

Ассоциация содействия изучению и популяризации
истории и социально-гуманитарных наук
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПЕРЕСВЕТ»

**КУЛЬТУРА
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Сборник научных статей

Выпуск 3

Ассоциация
«Научно-исследовательский центр «ПЕРЕСВЕТ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

УДК 008:009

ББК 71

К 906

Рецензенты:

Иващенко Я. С. – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой управления образованием Новосибирского государственного педагогического университета.

Костюк Р. В. – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Культура и гуманитарные науки в современном мире: Сборник научных статей. Выпуск 3 / под редакцией О. В. Архиповой и А. И. Климина; Ассоциация «НИЦ «Пересвет». – СПб.: «Фора-принт», 2020. – 120 с.

ISBN 978-5-903187-36-2

Третий выпуск сборника научных статей «Культура и гуманитарные науки в современном мире» продолжает актуальную тематику в современных социально-гуманитарных исследованиях. Неуклонно растущая роль информационных и цифровых технологий в культуре и образовании, и вызванные этим дискуссии о ценностях современной культуры делают актуальным вопрос о потенциальных траекториях развития культуры и гуманитарного знания в современном мире.

Сборник адресован преподавателям, научным работникам, студентам, аспирантам, всем, кому небезразличны судьбы культуры, художественного творчества и гуманитарного знания в современном мире.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-903187-36-2

© Авторы статей, 2020

© Ассоциация «НИЦ «Пересвет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Аксенова М. В., Гликман В. В.</i> ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	6
<i>Гусак В. А., Варначёва Л. В.</i> НАЧАЛО РОССИЙСКОГО ФОТООБРАЗОВАНИЯ. ВЫСШИЙ ИНСТИТУТ ФОТОГРАФИИ И ФОТОТЕХНИКИ.....	15
<i>Демидова Т. О., Бурило Н. А.</i> РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ С ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ОБРАЗА ГОРОДА (на примере Музея Гутгенхайма в Бильбао).....	30
<i>Еременко Е. Д., Прошкова З. В.</i> ФИЛЬМЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА: ОПЫТ СОВЕТСКОЙ КИНОРЕДАКТУРЫ.....	38
<i>Захарова А. А.</i> К ИСТОКАМ МУЛЬТИЭТНИЧНОСТИ СЕЛЕНИЯ БАЛТА.....	51
<i>Кириллова У. Е., Ни О. П.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НА БАЗЕ ЗНАНИЙ АНГЛИЙСКОГО.....	60
<i>Копьева А. А.</i> ТЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ «СТАРШИХ» ПОЭТОВ БЕЖЕЦКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.....	68

<i>Морева О. Л.</i> ИСТОРИЯ, ВЕДУЩИЕ МАСТЕРА И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАЛАКЛАВСКОЙ МАЙОЛИКИ.....	74
<i>Сафина А. А., Ширяев Л. А.</i> КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ.....	86
<i>Сердюкова Е. Ф., Дикаева Р. М., Элабиева М. А.</i> ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЕЙ НА ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	91
<i>Сердюкова Е. Ф., Дикаева Р. М., Элабиева М. А.</i> ТЕМА РОДИНЫ В ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА.....	96
<i>Соколов В. Д.</i> ОТНОШЕНИЕ ПОВЫШЕННОГО НЕРВНОГО НАПРЯЖЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА.....	101
<i>Темирова М. М.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАШКЕНТСКОЙ РАДИОСТАНЦИИ (1926 – 1930 гг.).....	110
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	117

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск сборника научных статей «Культура и гуманитарные науки в современном мире» продолжает актуальную тематику в современных социально-гуманитарных исследованиях. Неуклонно растущая роль информационных и цифровых технологий в культуре и образовании, и вызванные этим дискуссии о ценностях современной культуры заставляют по-новому поставить вопросы о принципах и задачах гуманитарных исследований в условиях современной «множественности истин», делают актуальным вопрос о потенциальных траекториях развития культуры и гуманитарного знания в современном мире. Задачи сборника состоят в обобщении результатов гуманитарных исследований, а также в создании информационной площадки для обмена опытом и дискуссии по актуальным вопросам изучения культуры, искусства и социально-гуманитарных проблем.

В статьях этого выпуска рассматриваются актуальные культурные практики, в частности, примеры комплексного подхода к ревитализации городской среды и созданию комфортного городского пространства. Также затрагиваются актуальные вопросы развития образования, включая методику преподавания иностранных языков и проблему сохранения здоровья педагогических работников. Рассматривается уникальный опыт создания в нашей стране высшего фотографического образования на примере истории Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения.

Аспекты современного художественного творчества раскрываются на примере такого уникального направления декоративно-прикладного искусства, как балаклавская майолика. Исторические грани развития культуры и искусства исследуются в контексте истории отечественного кинематографа, при этом авторы затрагивают на примере киноредактуры крайне важный и болезненный вопрос смыслового и ценностного наполнения современных кинопроизведений. Влияние на культуру и язык разноплановых процессов в области информационных и цифровых технологий анализируется на примере словообразования в современном английском языке. Отдельный блок статей посвящен вопросам изучения литературы – от русской классики и поэзии С. Есенина до творчества современных поэтов Тверской области. Не были обойдены вниманием и исторические сюжеты, такие, например, как история древнего селения Балта на Северном Кавказе, военное дело волжских болгар, история создания первой радиостанции в Узбекистане.

Авторами статей выступают не только преподаватели и научные сотрудники, но также молодые исследователи – студенты и аспиранты. Хотелось бы выразить надежду, что обращение к актуальным темам гуманитарных исследований будет продолжено и в следующих выпусках данного сборника.

Редакционная коллегия

УДК 811.111-26

М. В. Аксенова, В. В. Гликман

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в словарном составе современного английского языка, нашедшие яркое отражение в лексике социальных сетей. Возникновение и быстрое распространение неологизмов и особых словоформ во многом связано с переносом значительной части современной коммуникации в социальные сети. В статье особое внимание уделено таким способам словообразования, как сложение и сокращение, а также хештегам.

Ключевые слова: словообразование, современный английский язык, неологизмы, социальные сети, лексикология английского языка.

В настоящее время миллиарды людей пользуются социальными сетями, и их число продолжает расти. Социальные сети – одна из ключевых сред общения, и это означает, что их изучение – одна из важнейших задач современной лингвистики. В сетевом общении часто используются неологизмы, и на сегодняшний день большая их часть образуется именно в социальных сетях и существует только в них. В исследовании были рассмотрены наиболее популярные группы и блоги с миллионной аудиторией в «Instagram», «Twitter» и «Facebook».¹

Окружающий нас мир развивается бурно, с каждым годом наращивая

¹ Так, в «Instagram» в качестве примеров нами были рассмотрены группы и блоги «BuzzFeed (@buzzfeed)», «Jonny Pierce (@jonnyperce)», «Tyler, The Creator (@felicithegoat)», «Denzel – Streetwear Artist (@curriegoat)»; в социальной сети «Twitter» – «LeBron James (@KingJames)», «Arnold (@Schwarzenegger)», «Jim Carrey (@JimCarrey)», «Elon Musk (@elonmusk)»; в сети «Facebook» – «Taco Bell (@tacobell)», «Marc Jacobs (@marcjacobsintl)», «Delish (@delish)».

скорость перемен. Эти перемены не могли не коснуться и сферы языка. С появлением Интернета общество, возможно, и отошло от «живого» общения, но коммуникация в социальных сетях, получившая теперь приоритет, дала почву для интенсивного появления новых слов. Лингвист В. С. Виноградов определяет неологизмы как закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые обозначают новые предметы мысли. Автор подчеркивает, что такие «обычные неологизмы» в век быстрого духовного развития и научно-технических достижений постоянно появляются в языке. Это определение не противоречит ситуации, когда новые слова обозначают уже привычные явления [2, с. 120].

Носители разных языков, представители разных культур и субкультур, люди разных профессий и взглядов – все они начали оказывать влияние на лексику английского языка, вносить в неё свой вклад. Если раньше основная часть новых слов появлялась в художественной литературе или научных и технических трудах, то на сегодняшний день неологизмы создают люди в социальных сетях непосредственно во время общения. В одной только сети «Instagram» насчитывается более 500 миллионов активных пользователей, заходящих в неё каждый день [12]. Это делает процесс учета новых слов крайне трудоемким. В 2016 году компания «Facebook» запатентовала систему, которая должна была отслеживать неологизмы в постах и сообщениях пользователей, однако из-за трудностей реализации программа так и не получила дальнейшего развития. Тем не менее, изучать способы образования неологизмов и регистрировать обозначаемые ими реалии необходимо для упорядочения языковой системы.

Интернет по большей части представляет собой способ невизуализированной коммуникации, предполагающей ограниченность или полное отсутствие жестов, мимики, интонации и других невербальных средств общения. Это требует от пользователей применения экспрессивных ярких слов и постоянного поиска новых способов описания какого-либо явления.

Зачастую такие инновации становятся актуальными для своего времени выражениями, что создает условия для их быстрого распространения и обретения признака устойчивости. Но нельзя сказать, что распространенные в социальных сетях неологизмы создаются одними лишь пользователями исключительно для удобства в интернет-общении. Они переходят туда из выступлений публичных персон, политиков, из литературы, кино и компьютерных игр. Так, например, популярное в 2017 году слово «covfefe» пришло в социальные сети из твита президента Соединённых Штатов Америки Дональда Трампа. Никакого смысла оно не несло, Трамп опечатался, пытаясь написать слово «coverage». Однако в сети опечатка начала использоваться в самых разных значениях [11]. Появившийся неологизм получил место в языковой системе, не обладая при этом даже единым значением. Таким образом, можно сделать вывод, что социальные сети дают благодатную почву для изучения моделей образования неологизмов. Подобное исследование максимально наглядно покажет современные тенденции изменения английского языка и скорость этих изменений, а его результаты найдут применение в процессе обучения английскому языку, позволив сделать его более интересным и продуктивным для современного и последующих поколений.

На сегодняшний день в английском языке существуют несколько более или менее продуктивных способов словообразования – сложение, аффиксация, конверсия и т. д. В данной статье мы остановимся лишь на нескольких из них, а именно на сложении и сокращении, а также рассмотрим хештеги как особую модель словообразования.

Сложение считается самым распространенным способом словообразования в английском языке. Оно подразумевает возможность создания одного слова из нескольких слов, которые остаются при этом в изначальном или сокращенном виде. Вариантов словосложения существует достаточно много, комбинирование частей речи здесь ничем не ограничено,

например:

[Pronoun + Noun]: all-green – движение, участники которого придерживаются безотходной деятельности человека; mesponsibility – ответственность только за своё здоровье, настроение и т. д; youturn – человек, крайне часто меняющий любовные отношения; usman – щедрый к окружающим человек.

[Noun + Noun]: zoombomber – человек, намеренно срывающий zoom-конференцию непристойным поведением; covidiot – характеризует либо человека, легкомысленно относящегося к своему здоровью и здоровью других людей, либо человека, излишне паникующего из-за пандемии коронавируса COVID-19; buzzerflies – ощущение вибрации телефона при звонке, которого ждешь целый день.

[Adjective + Noun]: esobag – сумка из переработанного материала, заменяющая одноразовые пакеты; Twiterrific – что-то потрясающее, увиденное в ленте «Твиттера»; gladvertising – реклама, основанная на настроении потребителя, выражении его лица.

[Verb + Preposition]: knockout – красавец или красавица; trustdown – уверенность в полном крахе; holdup – ограбление; laidback – расслабленный; lockdown – закрытие дома. По данным сайта «Google Trends», это слово с февраля по март 2020 года изменило свою популярность в социальных сетях с 1 до 100 [13].

[Noun + Verb]: netbetting – игра в азартные игры онлайн, teargaslighting – атака протестующих слезоточивым газом с последующими попытками скрыть это; wasteman – тратящий время впустую взрослый человек; thinkception – появление одной и той же мысли у двух людей одновременно.

Весьма продуктивным способом словообразования выступает и сокращение. Во-первых, сокращение экономит время, во-вторых, оно делает общение более неформальным, а значит расслабленным и дружеским. Также в социальной сети «Twitter» существует ограничение: в твите не может быть

более 140 знаков, именно это обстоятельство вызвало необходимость в краткости и компактности сообщений. В «Instagram» и «Facebook» подобного ограничения нет, но образовавшиеся в «Twitter» слова обрели устойчивость и распространились по всей сети. Ещё одна причина – разнообразие и многогранность. Рассмотрим следующие виды сокращений:

Афреза – одно из фонетических явлений усечения, когда из слова в его начале убираются буквы или слоги: scuse (от excuse) – «прошу прощения»; tis (от this) – это; cuz (от because) – потому что; til (от until) – до тех пор, пока не; em (от them) – их; bout (от about) – насчёт чего-либо.

Синкопа – усечение в середине слова: yor (от your) – твой; bae (от babe) – партнер, любимый человек; sry (от sorry) – «извини»; lil (от little) – маленький; ppl (от people) – люди.

Апокопа – самый распространенный вариант усечения. Преобразования происходят в конце слова: sis (от sister) – сестра; bio (от biography) – биография; coupl (от couple) – пара; merch (от merchandise) – фирменный товар; collab (от collaboration) – коллаборация, сотрудничество. Очень частое явление в социальных сетях – отсечение буквы «g» в морфеме «-ing»: roppin (от popping) – хвастовство, feelin (от feeling) – чувство, jumpin (от jumping) – прыжки и т. д.

В сети наблюдается очевидная тенденция к изменению личного местоимения «you» и его разрядов. В ходе исследования были изучены 100 записей пользователей «Instagram», в которых присутствуют такие местоимения. В 33 из 100 случаев были использованы полные формы, такие как «you», «your», «yours», «yourself». В остальных 67 записях пользователи употребляли сокращенные формы, например «u», «ya», «ur», «urs», «urs», «uself», «urself». Такой результат говорит о крайне широкой распространенности сокращения как модели образования неологизмов внутри социальных сетей.

Другой известный вид словообразования – аббревиация. Имея большое количество разновидностей, она широко распространена как за пределами

социальных сетей, так и внутри них. Вот некоторые примеры аббревиации в социальных сетях:

Btw (от «by the way») – «между прочим»; ASAP (от «always strive and prosper») – «всегда бороться и преуспевать»; YOLO («you only live once») – «живем лишь раз»; MAGA (от «make America great again») – слоган президентской кампании Дональда Трампа; omw (от «on my way») – «уже в пути»; idc (от «I don't care») – «мне всё равно».

Хештеги, безусловно, требуют отдельного внимания лингвистов – само явление хештега в лингвистике практически ещё не изучено. Хештеги определенно представляют собой неологизмы, обозначая явления, которые ранее были неизвестны или вовсе не существовали. Но можно ли считать хештег словом? В толковом словаре С. И. Ожегова дается следующее определение: «Слово – единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок» [5, с. 1832]. О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» приводит следующую дефиницию: «Слово – предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного «участка» («кусочка») действительности и направляться (указывать) на эту последнюю» [2, с. 412]. Под оба эти определения хештег подходит. Исследователи отмечают, что слово неделимо и непроницаемо. И хотя часто хештег представлен словосочетанием, можно предположить, что и он тоже неделим. Во-первых, разделив словосочетание или вставив какую-либо единицу языка в него, теряется смысл отдельного понятия. Во-вторых, такое словосочетание не используется раздельно. Когда применяют хештег или пишут о нем, он представляется как одно целое, его не разбивают на составляющие. Конечно, это вызвано технической составляющей – пробел после символа решетки означает окончание операции, поэтому слова пишутся слитно, но и такая неделимость дает некоторые основания для предположения о том, что хештег – это всё-таки слово.

История хештега начинается с 2007 года, когда сотрудник «Google» Крис Мессина предложил создать символ, с помощью которого можно получить интересующую информацию по определенной теме. В 2018 году британское издание «The Daily Telegraph» подсчитало, что пользователи «Twitter» используют около 125 миллионов хештегов в день [9]. Настолько интенсивный рост всего за десятилетие означает появление и распространение большого количества неологизмов, которые, – в отличие от неологизмов, сформированных другими словообразовательными моделями, – создаются и существуют по большей части только в сети. Хештеги часто набирают популярность в кратчайшие сроки и выходят за пределы англоязычного пространства. Вот некоторые примеры из социальных сетей и связанные с ними события:

#MeToo – движение против сексуального насилия и домогательств;
#stayhome – призыв оставаться дома в период пандемии COVID-19;
#BlackLiveMatters – освещение дискриминации афроамериканского населения США, движение против насилия и дискриминации по расовому признаку;
#IceBucketChallenge – обливание ледяной водой с целью сбора пожертвований в фонды по исследованию болезни Лу Геринга; #ImpeachTrump – призыв об отставке президента США Дональда Трампа; #NotMyPresident – отказ признавать Дональда Трампа президентом США; #JusticeForGeorgeFloyd – требование справедливого расследования по факту гибели чернокожего мужчины Джорджа Флойда в городе Миннеаполис в США 25 мая 2020 года; #throwbacktuesday – публикация старых фото с ностальгическими комментариями.

Почти все перечисленные выше хештеги входят в число самых популярных. Изучив подробности каждого случая, можно сделать вывод, что появление подобных неологизмов связано с крупными общественными потрясениями, важными событиями в жизни граждан. Именно стремление выразить свою позицию и желание следить за актуальными новостями

популяризируют хештеги. Благодаря этому они зачастую очень быстро распространяются и столь же быстро исчезают из употребления, когда события, связанные с ними, проходят.

Влияние социальных сетей на модели образования неологизмов в современном английском языке оказалось действительно существенным – именно в социальных сетях неологизмы появляются и распространяются, именно здесь широко представлены словообразовательные модели. Особенность подобных слов состоит в том, что создаются они непосредственно в момент общения, нередко под влиянием тех или иных событий. Чтобы понять многие из неологизмов, достаточно лишь знать слова, от которых они произошли. Другая отличительная черта таких словообразований – быстрое распространение и такое же быстрое исчезновение из активной лексики. Актуальные модели словообразования часто связаны с меняющейся культурной ситуацией и перемещением коммуникации в цифровую среду, что требует более пристального изучения данных процессов лингвистами.

Список литературы

1. *Архипова М.В., Жулина Е.В., Шутова Н.В.* Информационное общество и образовательный процесс // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 59-1 [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-i-obrazovatelnyy-protsess> (дата обращения: 22.05.2020).
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стереотипное. – М: URSS; Эдиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 221 с.
4. *Гинзбург Р.З., Хидекель С.С., Князева Г.Ю., Санкин А.А.* A Course in Modern English Lexicology. Лексикология английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1979. – 269 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М., 1997. – 2314 с.
6. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.
7. *Хусяинова Ю.Н., Боровикова А.М., Тарасова В.С.* Изучение студентами английского языка с помощью социальной сети Instagram // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина. 2019. – С. 283 – 285.
8. *Beau Gamble.* Aussie slang: why we shorten words // Australian Geographic. – 2012. – Issue 109. – P. 14 – 15.
9. Hashtag turns 10: Seven facts you didn't know about the trending symbol [Электронный ресурс]: URL: <https://www.telegraph.co.uk/technology/2017/08/23/hashtag-turns-10-seven-facts-didnt-know-trending-symbol/#comments> (дата обращения: 11.04.2020).
10. Researchers Are Totes Studying How Ppl Shorten Words On Twitter [Электронный ресурс]: URL: <https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2014/01/16/263096375/researchers-are-totes-studying-how-ppl-shorten-words-on-twitter> (дата обращения: 29.03.2020).
11. What Does covfefe Mean? [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dictionary.com/e/pop-culture/covfefe/> (дата обращения: 05.12.2019).
12. Instagram в цифрах: статистика за 2019 год. [Электронный ресурс]: URL: <https://lpgenerator.ru/blog/2019/02/28/instagram-v-cifrah-statistika-na-2019-god/> (дата обращения: 29.11.2019).
13. Google Trends. Анализ упоминания слова «lockdown» [Электронный ресурс]: URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=lockdown> (дата обращения: 03.05.2020).

© Аксенова М. В., Гликман В. В., 2020

УДК 77

В. А. Гусак, Л. В. Варначёва

НАЧАЛО РОССИЙСКОГО ФОТООБРАЗОВАНИЯ. ВЫСШИЙ ИНСТИТУТ ФОТОГРАФИИ И ФОТОТЕХНИКИ

Аннотация. Авторы статьи обращаются к истории Высшего института фотографии и фототехники / Петроградского фототехнического института в 1918 – 1924 годах. Недолгий период существования данного вуза рассматривается как первый опыт создания в Советском государстве подобного образовательного учреждения, не имевшего до этого аналогов. Учебный процесс в Высшем институте фотографии и фототехники носил уникальный характер, поскольку объединял в себе научные открытия и практические цели фотографической отрасли.

Ключевые слова: фотография, фотообразование, фотографическая наука, фототехника, фотопромышленность, медиаобразование, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения.

Современное медиаобразование в России имеет свою историю, что позволяет оценивать его, отслеживая развитие и традиции образовательных процессов. Весь XX век культурная сфера в России, как и в других странах, существовала и развивалась в условиях общества, ориентированного на достижения научно-технического прогресса. Потому закономерно, что отдельные направления культуры и даже искусства возникали и формировались как «художественная производная» от технического развития. Обращение с техникой, технологиями, необходимость подчинять их художественным и научным задачам требовали подготовки специалистов разной профессиональной квалификации.

Так, в начале истории молодого Советского государства, осенью 1918 года в Петрограде появилось первое в истории страны фотографическое образование в специально созданном вузе – Высшем институте фотографии и фототехники (ВИФФ). Необходимость профессионального образования в

области фотографии понималась в те годы на самом высоком уровне – в руководстве нового государства. Но лучше всего значение нового вуза и его перспективы осознавали создатели института – представители научной интеллигенции Петрограда. Именно они сформулировали задачи нового образования и разработали структуру учебного процесса, подразумевавшего изучение и практическое освоение передовых направлений фотографического дела.

При небольшом количестве упоминаний ВИФФа в литературе по отечественной фотографии, его значение, тем не менее, высоко оценивается в ряде исследований. Например, Л. Волков-Ланит пишет: «Это было первое в России и единственное в Европе высшее учебное заведение, в котором всесторонне изучались все отрасли фотографии» [2, с. 43]. В контексте биографии С. Прокудина-Горского особое значение Высшего института фотографии и фототехники, как «первой кузницы кадров отечественной фотопромышленности» отмечал В. А. Никитин [6, с. 81]. Современные исследователи также обращают внимание на значение ВИФФ и уникальность дававшегося в нём образования с точки зрения истории отечественной фотографии XX века: «Заметим, что структура Института первоначально отражает представление о фотографии и её ведущих отраслях, какими они сформировались до 1917: репортажная фотография не рассматривается как отдельная сфера знания, требующая специальной подготовки, отличной от той, которую давали два первых факультета, зато фотометрия, аэрофотография, другие отделы «научной и прикладной» съёмки выделены в отдельный факультет, как и производственные нужды полиграфической промышленности» [10, с. 24].

В контексте истории медиаобразования создание в Петрограде Высшего института фотографии и фототехники, учебный процесс в котором базировался на достижениях отечественной фотографии конца XIX – начала XX вв., может рассматриваться как уникальное достижение и по-своему

новаторская научно-образовательная инициатива в истории российской высшей школы. Как существовал данный вуз, как проходил в нём учебный процесс, можно рассмотреть, обратившись к его короткой истории.

Актуальность фотообразования неоднократно становилась темой обсуждений на заседаниях V отдела (отдела фотографии – *прим. Ред.*) Императорского Русского технического общества (ИРТО). В состав V отдела входили такие видные и признанные специалисты, как Н. Е. Ермилов – учёный в области фотографии, автор книг и исследований; В. И. Срезневский – действительный статский советник, учредитель и руководитель V отдела ИРТО; С. М. Прокудин-Горский – знаменитый фотограф. В конце 1916 года члены V отдела вместе с другими видными деятелями российской фотографии, понимая необходимость создания специального учебного заведения, разработали проект нового фотоинститута. Проект объединил учёных, сознававших, что будущий институт позволит найти конкретные решения для проблем развития фотографической науки как в теоретическом, так и в практическом направлениях.

Учредители вуза, пользуясь своим научным авторитетом, смогли убедить к 1918 году уже новую, советскую власть в важности развития фотографической отрасли для страны. Другим сопутствующим обстоятельством было понимание в среде учёного сообщества самой необходимости создания подобного вуза, отвечавшего требованиям нового времени. Своей структурой и организацией учебного процесса институт соответствовал целям воспитания научных кадров и общей профессионализации фотографической отрасли. Подобных учебных заведений ни в Российской империи, ни в новом государстве, возникшем на её «руинах» – Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) – не существовало.

Новый институт отвечал ещё одной важной задаче – необходимости подчинить достижения отечественной фотонауки целям развития

фотографической промышленности. Будучи образовательной организацией, ВИФФ мог являться, – и вскоре действительно стал, – промежуточной структурой между наукой и промышленностью. Идея нового вуза в молодом Советском государстве на основании подобных положений нашла поддержку со стороны Д. И. Лещенко, секретаря Государственной комиссии по просвещению, и лично народного комиссара просвещения А. В. Луначарского.

Практическая ориентация образования в ВИФФ и тесная связь учебного процесса с развитием кино- и фотопромышленности РСФСР уже через год после создания вуза соответствовали положениям декрета Совета народных комиссаров РСФСР «О национализации кинодела» (1919 год). Подготовка в вузе специалистов для молодой фотопромышленности Советского государства делала ВИФФ важной составной частью отрасли. Институт смог зарекомендовать себя, отвечая задачам строящегося большевистского государства. Образование в Высшем институте фотографии и фототехники соотносилось с пунктами «г» и «д» названного декрета, которыми регламентировалось подчинение Народному комиссариату просвещения «производства учета и контроля фотокиноторговли и промышленности», а также регулирование комиссариатом «всей фотокиноторговли и промышленности» [3, с. 97]. Работа вуза напрямую связывалась с нуждами обновлённой фотопромышленности, прежде всего, с подготовкой фотографов, деятелей фотографической науки и работников разных направлений отрасли.

С апреля 1918 года начала свою работу Комиссия по организации Высшего института фотографии и фототехники. 19 июня 1918 года на заседании Комитета содействия развитию фотографических и фототехнических знаний и промышленности при Наркомпросе было принято решение об организации Совета института. В состав Совета вошли известные российские фотографы и учёные в области фотографии – В. Я. Курбатов, А. И. Прилежаев, П. П. Лазарев, В. С. Игнатовский, Н. Э. Сум, В. И. Срезневский,

С. М. Прокудин-Горский, Ф. И. Блюмбах, А. А. Поповицкий, Д. И. Лещенко, К. М. Попов, В. Л. Русецкий.

9 сентября 1918 года декретом Совета народных комиссаров РСФСР в Петрограде был учреждён, а 1 ноября 1918 года официально открыт Высший институт фотографии и фототехники. Обе даты можно считать днём рождения вуза и началом отечественного фотообразования.

Институт управлялся высшим органом – Советом ВИФФ. В состав Совета входили руководство вуза, видные учёные в области фотографии, а также известные фотографы. Ректором института был назначен А. А. Поповицкий – известный учёный, автор патентов на зеркальные камеры и объективы, эксперт в области бумажных документов, судебной фотографии и почерковедения, начальник фотографического отделения Экспедиции заготовления государственных бумаг. Штат преподавателей и учёных в первые месяцы работы вуза состоял из 14 профессоров, 8 старших ассистентов, 4 младших ассистентов и 5 лекторов. Впоследствии он был расширен и к концу первого года обучения составлял 19 профессоров, 25 старших и 10 младших ассистентов. Учеба осуществлялась на двух факультетах. Научно-фотографический факультет (декан – профессор В. И. Срезневский) включал два отделения – фотохимическое и фотофизическое, и предполагал срок обучения три года. Художественно-фотографический факультет (декан – художник-график А. П. Остроумова-Лебедева) предполагал срок обучения четыре года.

В институт принимались граждане, достигшие шестнадцати лет. К занятиям допускались лица, прошедшие предварительное испытание – коллоквиум. Для прохождения обучения на Научно-фотографическом факультете были необходимы знания по математике и физике в объёме курса Трудовой школы второй ступени или бывших средних учебных заведений. Поступавшие в институт со специальной технической или научной подготовкой (бывшие слушатели высших специальных учебных заведений)

после коллоквиума допускались к работам на старших курсах и к работам в лабораториях и учебных мастерских по избранной специальности.

Согласно декрету об учреждении института, задачами вуза являлись:

1. научные изыскания;
2. содействие изобретениям в области фотографии и фототехники;
3. содействие развитию промышленности в области фотографии;
4. содействие государственным и научным учреждениям в различных целях;
5. подготовка преподавателей для желающих посвятить себя педагогической деятельности в области фотографии;
6. распространение фотографических знаний в среде рабочих специалистов;
7. распространение основных понятий о фотографии и фототехнике;
8. содействие эстетическому развитию широких масс;
9. содействие просветительским организациям в деле организации новых фотографических и фототехнических обществ и клубов;
10. устраивать выставки, публичные чтения, лекции, демонстрации и курсы;
11. устраивать испытательные и проверочные станции и лаборатории, опытные фабрики и заводы;
12. издавать научные труды, учебники, популярные и периодические издания;
13. готовить и издавать учебные пособия;
14. устраивать конкурсы и выдавать премии.

В рамках данных задач институт охватывал все области развития и применения фотографии, существовавшие к концу 1910-х годов.

В другом документе, – Уставе института, – принятом уже в момент открытия вуза, о ВИФФ говорилось, как об учёно-учебном государственном учреждении, которое должно ставить своей целью предоставление учащимся

высшего фотографического и фототехнического образования, а также разработку и развитие соответствующих наук и их практическое применение. Устав определял список учёных званий, которые присуждались в ВИФФ: художник-фотограф, учёный-фотограф, учёный-фотохимик, учёный-фотомеханик, инженер-фотохимик, инженер-фотомеханик, инженер-фототехник, кандидат коммерческих наук. Говорилось в Уставе и о том, что институту присваивается право присуждать учёную степень доктора фотографии и фототехники.

Как и в случае с задачами, сформулированными в Уставе вуза, его учебный план предусматривал подготовку специалистов во всех областях фотографии. На Научно-фотографическом факультете читались следующие дисциплины: высшая математика, теория перспективы, теоретическая и прикладная механика, физика, оптика, термодинамика, химия неорганическая, органическая, аналитическая, физическая и фотографических процессов, фотохимия, фотографическая аппаратура, фотографические съёмки, бромжелатинный процесс, негативный процесс на коллодионе, позитивный процесс на солях серебра, хрома, железа и других элементов, цветная фотография, фотометрия, сенситометрия, сенсibiliзация, светофильтры, рисование, техническое рисование, черчение, взаимодействие между веществом и светом, экспертиза документов, иностранные языки (немецкий, французский, английский).

К предметам Художественно-фотографического факультета относились: теоретические, практические и лабораторные занятия по фотографии, история искусств, история стилей, химия, физика, элементарная математика, иностранные языки (немецкий, французский, английский). Основной в обучении на Художественно-фотографическом факультете являлась работа студентов в художественных мастерских, где шли занятия по акварельной живописи, рисованию живой модели и отдельно рисованию, композиции и акварели.

Учебный процесс развивался стремительно несмотря на проблемы, в основном материального свойства, постоянно напоминавшие о себе и ошутимо влиявшие на жизнь вуза. Руководство института, представленное опытными учёными, многие из которых немало лет проработали на преподавательских должностях в других вузах, уделяло равное внимание всем дисциплинам и направлениям обучения и делало всё возможное, чтобы учебный процесс не прерывался.

Уже через год с момента открытия института в нём училось 507 студентов: 135 – на Научно-фотографическом факультете и 372 – на Художественно-фотографическом.

Специфика учебного процесса, массовость студенческого состава, другие условия способствовали появлению особых учебных практик, не имевших аналогов в других образовательных учреждениях. Декан Художественно-фотографического факультета, известный график А. П. Остроумова-Лебедева так описывала особенности учебного процесса: «Задача художественного факультета была развить вкус, поднять культуру профессионалов-фотографов и достичь того, чтобы ремесло фотографа стало большим фотографическим искусством. Развивали вкус и умение снимать портрет одного лица, группировки нескольких лиц, группировку масс. Учили фотографировать живописные художественные произведения. В программу факультета входило также ознакомление студентов с художественными произведениями искусства, посещение музеев.

Среди учащихся художественного факультета с самого начала сплотилась группа молодых фотографов, больших энтузиастов, которые с чрезвычайной энергией и увлечением стремились к художественному развитию и образованию» [7, с. 28].

Как видно из цитаты, с самого основания в ВИФФ соединились основательность преподавания, подбор дисциплин, способствующих высокопрофессиональной подготовке фотографов, и энтузиазм, желание

овладевать знаниями со стороны студентов. Следует отметить и конкретный опыт А. П. Остроумовой-Лебедевой, известной в Петрограде художницы, практиковавшей со своими студентами частые выезды за город для занятий рисунком и живописью на природе.

Нахождение среди преподавателей-учёных и одновременно опытных практиков, участие в творческих и производственных процессах, в освоении научных разработок и т. д. – всё это позволяло студентам не просто активно приобщаться к фотографическому ремеслу, но и формироваться как разносторонним личностям. Их понимание своего будущего предназначения выходило за узкие границы представлений о профессионализме в рамках специальности, которой они учились. Кроме названных выше известных учёных и фотографов, в институте в разное время преподавали: Н. Е. Ермилов – крупный специалист в области фотографии, фотограф, профессор; Г. С. Верейский – художник-график; Д. И. Митрохин – график, иллюстратор, искусствовед, мастер станковой гравюры, офорта и литографии, автор множества книжных иллюстраций, в частности огромного цикла миниатюр в жанре камерного натюрморта; Н. Н. Куприянов – книжный иллюстратор, художник-оформитель журналов «Крокодил», «Пионер» и других изданий; В. Н. Кононов – исследователь материальной природы, химик и реставратор.

Рядом отдельных решений советского правительства определялось создание материально-имущественной базы института. Её формирование началось с вопроса о здании, в котором должен был располагаться институт. За полгода до открытия, в марте 1918 года Государственная комиссия по просвещению, утвердив смету на оборудование ВИФФ, специальным распоряжением отвела будущему институту большое пятиэтажное здание по адресу: Кабинетская улица (сейчас – улица Правды), дом 13. Здание было построено в 1898 – 1901 годах (архитектор А. Н. Померанцев), и до октября 1917 года принадлежало Училищному совету Святейшего Синода Русской Православной Церкви.

Большой поддержкой образовательному процессу стала передача институту В. И. Срезневским мастерской по производству фотобумаги и пластинок. В октябре 1918 года Совет ВИФФ приобретает у сына М. С. Прокудина-Горского диапозитивную мастерскую со всем имуществом и библиотеку за 160 тысяч рублей. В августе 1918 года знаменитый фотограф уехал за границу и больше в Россию не возвращался, передав право вести все переговоры о продаже фабрики своему сыну. Покидая Россию, С. М. Прокудин-Горский подарил Высшему институту фотографии и фототехники уникальную передвижную лабораторию на колесах, пожалованную ему императором Николаем II в 1909 году для съёмок проекта «Коллекция достопримечательностей Российской империи». Фотопредприниматель А. А. Штюрмер пожертвовал институту фототеку, собранную им за многие годы, книги по фотоделу и фотоаппаратуру. В дальнейшем оборудование, необходимое для обеспечения лабораторий вуза, доставали, где могли. Тот же профессор В. И. Срезневский, узнав о закрытии в Москве кабинета судебной экспертизы, срочно выезжает в столицу и добивается передачи институту оставшегося бесхозным фотооборудования. Отдельно руководство ВИФФ стремилось получить киноаппаратуру и принадлежности к ней, а также большую партию фотопластинок, изъятых на Гутуевской таможне.

Оснащение института высокотехнологичным оборудованием, создание в его стенах производственных площадок повышало уровень профессионального образования и уже изначально ориентировало студентов на практическую работу. За годы своего существования институт стал не только единственным в стране и в мире учебным заведением подобного профиля, но и местом производства дефицитных в России фотопластинок и фотобумаг. Только за первое полугодие 1919 года в укомплектованных и оборудованных мастерских института было изготовлено более пятидесяти тысяч фотопластинок в соответствии с поступившими заказами, в том числе из боевых частей Красной Армии. Получение заказов на фотоматериалы

давало возможность иметь дополнительные средства на содержание и развитие института. В том же году студентами и преподавателями были выполнены заказы по фотографированию памятников и достопримечательностей Петрограда, картин из коллекции Эрмитажа, рукописей и литературных материалов из архива М. Ю. Лермонтова.

При институте оборудовали музей, где экспонировалась коллекция фотографий и фотоаппаратура – камеры и объективы. Работала библиотека, в которой насчитывалось 4 500 томов. Институтом выпускались книги и монографии, посвящённые разным направлениям фотографической отрасли. К 1919 году в институте были открыты оборудованные всем необходимым научно-испытательная, художественно-графическая, фотографическая и химическая лаборатории, а также лаборатория светочувствительных слоёв.

В январе 1920 года по просьбе руководства института он был переименован в Петроградский фототехнический институт (ПФТИ). А в марте 1920 года выходит подписанное В. И. Лениным постановление об ускоренном выпуске инженеров вузами Советской республики. В ПФТИ была сформирована группа для ускоренного обучения. В связи с этим были изменены учебные планы и сделаны корректировки в расписании занятий. Студенты ускоренного отделения занимались весь день – с 10.00 до 20.00. По ускоренному графику руководством института планировалось выпустить 50 инженеров, в том числе востребованных специалистов по рентгенографии и судебной фотографии. В том же году был принят новый Устав института, где фиксировались изменения, произошедшие в его названии и структуре.

В сентябре 1920 года представители Государственного оптического института и Школы точной механики на заседании Совета института предложили расширить учебный профиль ПФТИ, в результате чего было принято решение об организации ещё одного факультета – Оптического. С 1921 года на трёх отделениях нового факультета – механическом, оптическом

и отделении теоретической оптики – уже началось обучение. Выпускники нового факультета получали звания учёный-оптик и инженер-оптотехник.

К концу 1920 года благодаря высокому уровню преподавательской работы и ставшим широко известными, в том числе и за рубежом, разработкам, осуществленным в лабораториях института, ПФТИ завоевал высокий авторитет среди вузов и научных школ. В ноябре 1920 года в институт обратились представители Мюнхенской фотошколы с предложением об обмене опытом. В ответ в Мюнхен были отправлены изданные институтом научные «Труды». Кроме Мюнхенской фотошколы, в тот же период связи по обмену опытом устанавливаются и с Венским фотографическим институтом.

Тем не менее, в октябре 1921 года в институт поступило распоряжение Главного управления профессионального образования (Главпрофобра) о прекращении ускоренной подготовка инженеров. Начало 1920-х годов – период после Гражданской войны – было сложным временем для РСФСР. Не могли не сказаться трудности экономического характера и на деятельности Петроградского фототехнического института. С ноября 1921 года частично, а с марта 1922 года полностью институт снимается с государственного финансирования. Проведение занятий в нём было приостановлено. Интересны в этой связи воспоминания известного впоследствии ленфильмовского оператора В. Горданова. Они дают картину того положения, в котором оказался вуз и из которого он вынужден был выбираться путём непростых преобразований и решений его руководства: «В Фототехнический институт я отправился поступать /.../ и не нашёл там ничего, кроме всяческого запустения. Видно, долго не было денег, персонал не оплачивался, здание не отапливалось, не убиралось и никакие занятия не производились» [5, с. 7].

Руководство вуза решает расширить существующие внутри института мастерские, которые выполняли заказы и позволяли тем самым вузу зарабатывать. Прежде всего, это производство фотоматериалов, наиболее востребованными из которых были фотопластины.

В период с декабря 1922 года по февраль 1923 года проходит ряд совместных совещаний руководства института и управления кинофабрики «Севзапкино» (будущая киностудия «Ленфильм»). Между двумя организациями подписывается договор, согласно которому институт, сохраняя свою самостоятельность в учебных делах, включался в состав «Севзапкино» с правом последнего распоряжаться производственными мастерскими и материалами, ранее принадлежавшими институту. «Севзапкино» взяло на себя обязательство ежемесячно переводить институту определённую сумму. В результате проведённой реорганизации зимой 1923 года в ПФТИ сохранились три факультета – Фотографический, Инженерно-полиграфический и Оптический.

1 октября 1923 года по ряду причин, в том числе финансовых, Петроградский фототехнический институт реорганизуется в Петроградский фотокинотехникум с научно-фотографическим и художественно-фотографическим отделениями, а также отделением изобразительного искусства. Полиграфическое отделение переводится в Полиграфический техникум. Появляются курсы киномехаников. Сменилось руководство вуза, причиной чему послужила не только необходимость замены умершего в апреле 1923 года первого ректора А. Поповицкого, место которого занял один из создателей вуза, профессор Н. Ермилов, но и понимание важности дальнейшего развития вуза.

Новое для вуза кинематографическое направление изменило его профиль при сохранившемся, как считают некоторые историки, нетронутым ядре основных дисциплин и профилей подготовки специалистов, а также преподавательского состава [8]. На каждом из отделений сохранили оборудованные, согласно последним требованиям, лаборатории, мастерские и павильоны.

Жизнь вуза как фотокинотехникума, который с 1924 года возглавил Д. И. Лещенко, – это уже следующая страница истории института, которую

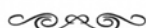
следует оценивать как историю другого образования и другого вуза. Постепенно менявшийся профиль работы, открывавшиеся новые отделения и специальности Петроградского фотокинотехникума «трансформировали» вуз в новую организацию, где уже просматривалась структура возникших много позже – путём дальнейших преобразований – Ленинградского института киноинженеров и Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения.

История Высшего института фотографии и фототехники, а затем Петроградского фототехнического института является свидетельством уникального опыта в отечественном образовании – опыта создания отдельного вуза, чья специфика определялась задачами фотографической науки, промышленности и художественной фотографии. Сейчас, с исторической дистанции, мы можем оценивать данный опыт как явивший новую образовательную модель, сочетающую в себе открытия и поиски в области одной стремительно развивающейся научно-практической области. Несмотря на то, что открытию института сопутствовал целый ряд причин, основными причинами его создания в первую очередь стали необходимость развития фотографической науки и подготовки профессиональных кадров. Важно и то, что вокруг нового вуза консолидировались деятели российской фотографической науки. Их усилия, приведшие к созданию данной образовательной структуры, вывели отечественное фотодело на новый уровень, закрепив востребованность фотографической отрасли в масштабах государства.

Список литературы

1. *Болтянский Г.* Очерки по истории фотографии в России // Советское фото. – 1939. – № 1. – С. 38-40.
2. *Волков-Ланит Л.* История пишется объективом. – М.: Планета, 1971.
3. *Дымищ Н.А., Ишевская С.М., Левитова В.С., Трошин А.С.* (составители). История отечественного кино. Хрестоматия. – М.: Канон+, Реабилитация, 2011.
4. *Захарова А.А., Тихонов П.А.* Династия хранителей-реставраторов Кононовых (1890 – 1950-е годы) и её вклад в развитие музейного дела // Фотография. Изображение. Документ. – Выпуск 6. – 2015. – С. 14-27.
5. Кинооператор Вячеслав Горданов. – Л.: Искусство, 1973.
6. *Никитин В.* Рассказы о фотографах и фотографиях. – СПб.: Лимбус Пресс, 2016.
7. *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. В 3-х томах. – М.: Изобразительное искусство, 1974.
8. Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения – 90 лет. Страницы истории (1918 – 2008). – СПб.: Издательство СПбГУКиТ, 2008.
9. *Станулевич Н. С.М.* Прокудин-Горский и Высший Институт Фотографии и Фототехники // Университетский научный журнал. – 2016. – № 20. – С. 282-290.
10. *Чмырёва О.Ю.* Очерки по истории российской фотографии. – М.: Индрик, 2016.

© Гусак В. А., Варначёва Л. В., 2020

УДК 725.91

Т. О. Демидова, Н. А. Бурило

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ С ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ОБРАЗА ГОРОДА (на примере Музея Гуггенхайма в Бильбао)

Аннотация. Статья посвящена вопросам обновления (ревитализации) городской среды с целью воссоздания целостного образа города и формирования комфортных условий для работы и отдыха его жителей и гостей. Ревитализация городской среды рассматривается на примере известного «эффекта Бильбао», который стал своего рода образцом для многих последующих проектов городской реновации по всему миру. Описываются основные этапы реновации в испанском городе Бильбао, а также проводится сравнительный анализ схожих примеров реновации, – как удачных, так и не совсем, – в российских городах. Цель исследования – приблизиться, насколько это возможно, к раскрытию формулы качественной реновации городской среды.

Ключевые слова: Бильбао, ревитализация, архитектура, комплексная реновация, город, городская среда, урбанистика.

Любой пример масштабной городской реновации заслуживает изучения, поскольку её уникальный опыт может стать «наглядным пособием» для других городов, нуждающихся в обновлении своих депрессивных зон. Отсутствие должного благоустройства, развитой инфраструктуры и в целом комфортной городской среды делают вопрос качественной реновации очень актуальным для многих российских городов. Реновация, понимаемая как *комплекс мер*, ведущих к фактическому, зримому изменению города, призвана реанимировать городское пространство и поднять на качественно новую ступень уровень жизни городского населения, как в экономическом, так и в культурном плане.

Во всем мире сейчас существует проблема, касающаяся городских пространств, которые зачастую представляют собой большие неблагоустроенные, а иногда и откровенно маргинальные территории, нуждающиеся в реновации, прежде всего потому, что неблагоприятная городская среда негативно сказывается на культурном уровне, да и просто на эмоционально-психологическом состоянии проживающих здесь людей (вспомним, например, теорию разбитых окон).

Проблему формирования качественного городского пространства в состоянии решить комплексная реновация, следствием которой как раз и является *ревитализация* – воссоздание, оживление городского пространства, утратившего свои прежние общественные функции.

При этом под реновацией мы понимаем не просто реконструкцию старых зданий или возведение отдельно взятой инновационной постройки, а целый *комплекс мер* по созданию и развитию комфортных для человека условий [2].

Показательным примером подобной ревитализации служит Бильбао – относительно небольшой город на севере Испании, в Стране басков, прославившийся своим ультрасовременным Музеем Гуггенхайма и «эффектом Бильбао». Рассмотрим в хронологической последовательности систему мер, проводившихся в этом городе в области архитектуры и урбанистики на рубеже XX – XXI веков и приведших в итоге к появлению этого самого эффекта (рис. 1).

Всё началось в 1991 году, когда знаменитый американско-канадский архитектор Фрэнк Гери подготовил для Бильбао проект филиала известного Музея современного искусства Соломона Гуггенхайма. Музей был открыт в 1997 году, и с этого времени началась масштабная реновация города. Футуристическое здание музея, построенное в стиле деконструктивизма и обшитое титановыми листами, само по себе стало одним из главных музейных экспонатов. Музей быстро превратился в центр притяжения для местных

жителей и многочисленных туристов, став новой визитной карточкой города и олицетворением «эффекта Бильбао» [1].

На удобство и эффективность организации городской среды большое влияние оказывает транспортная система, поэтому существенные перемены коснулись и этой сферы. Ещё до открытия музея, в 1995 году в Бильбао был запущен метрополитен, станции и павильоны которого, спроектированные другим знаменитым архитектором современности – Норманом Фостером, стали ещё одной достопримечательностью города. Скоростной подземный транспорт значительно повысил мобильность горожан и ускорил формирование агломерации Бильбао (Гран-Бильбао), что в совокупности положительно повлияло на экономику города и всего региона.

В те отдаленные районы города, где не был построен метрополитен, в 2002 году были проведены линии трамвая, что обеспечило дополнительное сообщение между районами, а также позволило создать новые туристические маршруты.

С открытием Музея современного искусства город готовился принять возросшие потоки туристов, в связи с чем в 2000 году был открыт новый терминал аэропорта Бильбао.

Рисунок 1. Хронологическая последовательность реновации города Бильбао

Реновация также затронула и внутренние городские территории. Всю свою многовековую историю, а город был основан в 1300 году, Бильбао имел важное транспортное значение, из-за чего набережная города представляла собой исключительно индустриальное пространство – здесь располагался грузовой порт. Поскольку Музей Гуггенхайма было решено построить у реки, реновация не могла обойти стороной и эту прибрежную зону города, которая в итоге претерпела разительные перемены (рис. 2).

В рамках комплексного подхода к реновации территории вдоль рек рассматривались как элемент единой градостроительной структуры, которая, в первую очередь, нуждалась в выборе наиболее рентабельной и эффективной методики ревитализации. При этом главной задачей было сохранить природоохранный баланс этих территорий, восстановить по возможности их экосистему в пределах городской черты.

В ходе реновации прибрежной полосы наибольшей трудностью стало диспропорциональное формирование прилегающих к реке территорий, итогом чего было их малоэффективное использование и существенная степень раздробленности приречных рельефов. Поскольку эти зоны города обладали большой динамикой функций и высоким природным потенциалом, а значит характеризовались высокой востребованностью, они рассматривались как потенциальный резерв для перспективного развития городской среды [3].

Рисунок 2. Реновация набережной города Бильбао

Но не только масштабные проекты по преобразению городской среды способствовали повышению качества городской жизни. Было принято множество мер экономического характера, которые также внесли свой вклад в формирование «эффекта Бильбао» [4]. Несмотря на то, что городская экономика находилась в достаточно трудном положении, реновация была проведена на бюджетные средства, и вообще следует заметить, что без поддержки государства столь масштабная реконструкция города едва ли была бы возможна.

Такие серьезные изменения в экономике города сопровождались специальными программами переобучения для работников закрывшихся предприятий и созданием новых рабочих мест в сфере обслуживания.

Ещё раз отметим, что успешная трансформация городской среды, и мы это прекрасно видим на примере Бильбао, происходит не с появлением какого-то одного здания, а в результате комплексной системы урбанистических, архитектурных и экономических мер, проводимых, как правило, при поддержке властей. Именно так произошло в Бильбао, который из промышленного и портового центра превратился в центр культуры, в точку притяжения для туристов и ценителей современного искусства со всего мира, а музей стал лицом обновленного за несколько лет города.

Уникальный опыт открытия музея в Бильбао в очередной раз показал миру как архитектура способна повлиять на население, культуру и экономику. И что примечательно, результат реновации не заставил себя долго ждать – на данный момент Музей Гуггенхайма в Бильбао является одним из самых посещаемых музеев Испании, а стоимость своего строительства ещё в 2013 году он окупил 37 раз!

Опыт реновации Бильбао – пожалуй, один из самых успешных примеров в мировой практике, но, конечно, далеко не единственный. В России такие примеры тоже есть, например, в Москве (реконструкция бывшей кондитерской фабрики «Красный Октябрь»), Санкт-Петербурге (культурный центр «Новая Голландия», культурное и деловое пространство «Севкабель Порт»), других городах. Но, к сожалению, далеко не всегда проекты реновации складываются успешно – к числу таких неудачных примеров относится, по нашему мнению, попытка реновации в городе Челябинске.

Столица Южного Урала была выбрана местом проведения в 2019 – 2020 годах саммитов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС («Бразилия-Россия-Индия-Китай-Южная Африка»), в связи с чем в городе предстояло провести большой объем подготовительных работ, которые, в

частности, включали в себя обновление городской инфраструктуры, работы по улучшению экологической ситуации, строительство нового терминала Международного аэропорта имени И. В. Курчатова. Бильбао и Челябинск как промышленные города и транспортные центры имеют между собой достаточно много сходных черт, но несмотря на это реновация в последнем, к сожалению, не была проведена в полной мере успешно, не все проекты удалось реализовать в срок и в нужном объеме (рис. 3), в результате чего саммиты были перенесены в Санкт-Петербург.

Сравнительная характеристика реновации городов:
Бильбао и Челябинск

Критерии сравнения	Бильбао	Челябинск
■ Основа экономики города- промышленность	☒	☒
■ Обновление терминала аэропорта	☒	☒
■ Роль города в стране- провинциальный	☒	☒
■ Экологическая обстановка в городе- тяжелая	☒	☒
■ Источник финансирования реновации- государство	☒	☒
■ Цель реновации- подготовка к мероприятию	☐	☒

Рисунок 3. Сравнительная характеристика реновации городов Бильбао и Челябинска

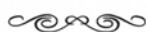
Результатом данного сравнения становится вывод о том, что эстетическое наполнение городской среды, культурное обогащение населения и экономический подъём становятся возможны только при условии всестороннего, последовательного и комплексного подхода к городской реновации, и «эффект Бильбао» лишь подтверждает данный факт [5; 6].

Мы надеемся, что наше небольшое исследование позволило хотя бы в общих чертах ознакомиться с феноменом «эффекта Бильбао» и привлечь внимание к вопросам городской реновации [7], а также показать значимость комфортной городской среды для формирования культуры населения и успешного развития экономики города.

Список литературы

1. *Гольдберг Екатерина*. Образ русского Бильбао [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/16/729656-obraz-bilbao> (дата обращения: 17.06.2020).
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. – 8-е издание. – М.: «Русский язык», 1981 – 1982.
3. *Литвинов Д.В.* Градоэкологические принципы развития прибрежных зон (на примере крупных городов Поволжья). Диссертация на соискание учёной степени кандидата архитектуры; специальность 18.00.04. – СПб: СПбГАСУ, 2009.
4. *Кузнецов Павел*. «Эффект Бильбао» в действии: примеры из прошлого и настоящего [Электронный ресурс]: URL: <http://www.berlogos.ru/article/effekt-bilbao-v-dejstvii-primery-iz-proshlogo-i-nastoyashego/> (дата обращения: 17.06.2020).
5. *Николаева Елена*. «Эффект Бильбао» для Челябинска. Получится ли у саммитов ШОС и БРИКС изменить историческую судьбу Южного Урала? [Электронный ресурс]: URL: <https://up74.ru/articles/obshchestvo/102159/> (дата обращения: 17.06.2020).
6. *Рыбчинский Витольд*. Городской конструктор. Идеи и города. М.: Strelka Press, 2014.
7. *Яковлева Ульяна*. Внутренний эффект Бильбао [Электронный ресурс]: URL: https://tatlin.ru/articles/vnutrennij_effekt_bilbao (дата обращения: 17.06.2020).

© Демидова Т. О., Бурило Н. А., 2020

УДК 7.067

Е. Д. Еременко, З. В. Прошкова

ФИЛЬМЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА: ОПЫТ СОВЕТСКОЙ КИНОРЕДАКТУРЫ¹

Аннотация. Насколько полезен опыт советской киноредактуры – с ее идеологическими, творческими и организационными аспектами – при создании современных фильмов, адресованных юному зрителю? Возможно ли возрождение отечественного «кино для всех возрастов»? В статье анализируются традиции детско-юношеского кинематографа СССР в сравнении с российским кинопроизводством начала XXI века.

Ключевые слова: детско-юношеский кинематограф, киноредактирование, киноцензура.

Практика советского киноредактирования – уникальный опыт профессии, содержащей, казалось бы, взаимоисключающие функции: идеологический надзор и поиск новой, талантливой кинодраматургии, творческое участие в работе съемочной группы и оформление сопутствующих документов. Кадровый состав редакторского корпуса был эклектичен: от рядовых аппаратчиков до выдающихся фигур отечественной культуры. Среди последних – ученые-гуманитарии и поэты, писатели и драматурги. Для иных киноредактура являлась работой периодической (которую они совмещали с любимым творчеством).

А для кого-то раз и навсегда превратилась в «основную специальность». Ведь именно такие профессионалы участвовали в создании «золотого фонда» отечественного кино для детей и юношества: Роман Тармола и Изольда

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Редактирование и редактор в советском кинематографе», № 20-012-99587 А.

Кавелашвили – на «Беларусьфильме», Кира Парамонова и Семен Клебанов – на киностудии имени М. Горького, Фрижета Гукасян и Светлана Пономаренко – на «Ленфильме», Евгения Рудых и Елена Марценюк на «Одесской киностудии» и многие другие. «...Благодаря их таланту, художественному чутью, энциклопедическим знаниям, умению проводить репертуарную политику появились наши лучшие фильмы...» [1]. Редакторское участие во многом помогало обращать советскую агитацию и пропаганду в подлинное искусство (а в лучших и высших достижениях – выходявшее далеко за рамки коммунистического догмата).

Становление советской власти совпадает и с формированием нового искусства для юного зрителя. В мировой кинопрактике существует определение «семейный фильм»: его истоки восходят к началу третьего десятилетия XX века. А точнее – к 1920 году, когда Чаплин работал над фильмом «Малыш», которому суждено было стать первым полноценным фильмом для зрителя любого возраста. Именно эта картина стала «зернышком», из которого выросло мощнейшее явление экранного искусства со своей мифологией и стереотипами. В «Малыше» на равных выступили «взрослый» – сам Чарли Чаплин – и его пятилетний партнер Джеки Куган, первый из «детей Голливуда» [2]. А до наступления массового успеха «семейного кино» (и за океаном, и в СССР) должно было пройти еще почти десятилетие.

Достижения советского детско-юношеского кинематографа 1920-х годов заметно уступают аналогичным успехам в поэзии и литературе. Не случайно, что такие мастера, как С. Маршак и В. Бианки, Б. Житков и А. Барто, Д. Хармс и А. Гайдар – не только не забыты, но и по-прежнему читаются, изучаются – в разных «детских» возрастах.

Но уже первый звуковой фильм СССР – «Путевка в жизнь» (1931) – не только становится серьезной заявкой в обновлении киноязыка, но и привлекает самую широкую массу зрителей. В значительной степени –

зрителей юных. Таких же, как и персонажи картины (социализирующиеся бывшие беспризорники 1920-х годов). Еще одна легенда раннего звукового кино – фильм «Чапаев» (1934) – открыла череду «культовых» довоенных лент. И вновь основной «целевой зрительской группой» становятся школьники. Именно в их среде сложилась легенда о существовании кинотеатров, на экранах которых «...Василь Иваныч в конце доплывает». При этом формально «Чапаев» – фильм «взрослый» [3]. Но после его премьеры «...конкурс в военные училища заметно вырос, и ребята, которые поступили, стали кадровыми военными как раз накануне войны – и теми победителями, которых мы чествуем 9-го мая...» [4].

К середине 1930-х – началу 1940-х годов детско-юношеское кино заявляет о себе всё смелее. Одно за другим выходят произведения, которым суждено было стать «хитами» для нескольких поколений: «Новый Гулливер» и «Космический рейс», «Дети капитана Гранта» и «Остров сокровищ», «Доктор Айболит» и «Золотой ключик». Единственной экранизацией Гайдара, снятой при жизни писателя, станет «Тимур и его команда» (1940). «Знаком качества» отмечены киносказки Александра Роу, пришедшего в кинорежиссуру на излете 1930-х годов.

Именно тогда организуется и главная советская киностудия для юного зрителя – «Союздетфильм», впоследствии переименованная в Центральную киностудию детских и юношеских фильмов имени М. Горького. И хотя со студией Диснея во многих отношениях конкурировать ей было бы сложно, главная задача – воспитание детей в духе советской идеологии – выполнялась безупречно.

Успех и творческий заряд произведений «Союздетфильма» во многом объясним. Это результат продуманных творческих и производственных стратегий киноредакторов. Необходимость этой профессии назрела в начале 1920-х годов, когда художественный уровень зарождающегося советского кино оставлял желать лучшего: массовый зритель предпочитал смотреть

боевик с Гарри Пилем вместо отечественной киноагитки. Постепенно формируется институт киноредакторов, работающих на всех «фронтах» экранного искусства. Даже такой эрудит, как С.М. Эйзенштейн, приступая к съемкам эпопеи «1905 год», осознавал необходимость «литконсультанта» (так на первых порах именовали специалиста, позже получившего статус киноредактора).

За семь десятилетий советской эпохи сменилось несколько редакторских поколений. Вклад представителей данной профессии незаметен для рядового зрителя, ведь редакторская задача – содействовать кинопроцессу, не являясь при этом одним из основных создателей фильма. По замечанию редактора киностудии «Ленфильм» Михаила Кураева, «...редактор – профессия донорская... Он же, редактор, первый зритель фильма, который еще не снят» [5, с. 45]. Именно редактор может выступить инициатором всего кинопроекта: найти и актуализировать интересный сценарий, предложить его режиссеру, чей профессиональный потенциал совпадает с мироощущением кинодраматурга.

В годы «Перестройки» 1980-х годов, по мере ослабления советской цензуры, киноредактирование подверглось едва ли не самым яростным гонениям на фоне прочих экранных профессий. К началу 1990-х институт киноредактуры и вовсе был выставлен к «позорному столбу». По выражению сценариста Виктора Петрова, на глазах происходило «...разрушение редакторского аппарата под видом защиты прав человека». Киноредакторы или «цепные псы кинематографа» [6], как их хлестко заклеямили наиболее рьяные поборники «свободы творчества», исчезали из съемочных групп.

С распадом СССР произошло и крушение одной из крупнейших мировых кинематографий, важнейшей составляющей которой являлось кино для юного зрителя. В сравнении с аналогичным экранным мифотворчеством Соединенных Штатов Америки, Японии, Европы советская традиция при множестве переключек обладала, тем не менее, своей уникальностью.

Парадоксальным образом это связано именно с идеологией «строителей коммунизма», а по сути – в лучших кинопроизведениях – с утверждением незабываемых гуманистических ценностей.

Если задаться ключевыми «редакторскими» вопросами, то в нынешнем российском кино мы практически не получим внятных ответов.

Где убедительный положительный герой?

Каковы его цели, во что он верит?

Какой ценой даются ему победы, как он противостоит поражениям?

Педагог и сценарист М. Савчук определяет сложившуюся ситуацию по следующим элементарным показателям: «Юным поколениям нужны герои, в которых можно играть. И это должны быть сильные герои. В кого сегодня играют юные российские кинозрители? Как отмечают психологи, в последнее время дети часто идентифицируют себя с отрицательными героями, потому что они в детском представлении сильнее добрых...» [4]. Но нельзя сказать, что проблема отсутствовала прежде, в конце советского периода. Наоборот, приметы общего кризиса стали заметны именно тогда, ещё в первой половине 1980-х годов. В том числе и на примере фильмов для «людей школьного возраста».

Изначальная советская установка «приближения к идеалу» привела к странному двоемирию: реальная жизнь уходила всё дальше от экранного бытия. Ещё со времен «сталинского ампира» в нашем кино воплощалась модель – показывать жизнь «не такой, как она есть, а такой, какой она должна быть». Космонавты из светлого царства коммунизма в свободное от орбитальной работы время смотрели по телевизору балет (в фильме-фантазии «Дорога к звездам»). Такая же «странность» наблюдалась и в детско-юношеском кино. Трехсерийные «Приключения Электроника» восхищали не только перипетиями сюжета, но и атмосферой... учебных будней, которыми так легкомысленно пренебрегал разгильдяй Сыроежкин. Хотелось узнать: в каком уголке СССР существуют такие же идеальные школы наподобие той,

что показана в «Электронике»? Аналогичный вопрос возникал и в связи с потрясающими летними лагерями («Три веселые смены», «Завтрак на траве», «Каникулы Петрова и Васечкина», «Выше Радуги»).

Справедливости ради надо отметить, что во времена последних «застойных» лет, в преддверии «Перестройки», выходили и сильные, правдивые ленты о конфликтах взросления. Их центральная тема – выбор, который нужно сделать юному протагонисту («В моей смерти прошу винить Клаву К.», «Вам и не снилось», «Наследница по прямой», «Клетка для канареек»). Главными же фильмами-событиями стали «Оглянись», «Пацаны», «Чучело», «Игры для детей школьного возраста».

У большинства из названных фильмов был сложный путь и создания, и выхода на экран. Причина – «неудобные» темы (подростковая жестокость, эгоизм, школьная травля) [7]. Зрительской реакцией станут признание и активные дискуссии. Отреагирует и, как всегда, неповоротливый официоз: авторы «Чучела» станут лауреатами Государственной премии – одной из высших государственных наград в области советского искусства. И вновь «невидимыми» помощниками в создании лент выступают киноредакторы. В противостоянии с высшими кинематографическими чиновниками нужна была не только смелость и бескомпромиссность (качества, которыми обладали практически все талантливые режиссеры). В не меньшей, а порой – решающей степени требовались дипломатичность, такт, умение «маневрировать» среди бюрократических преград. Именно этими качествами обладали выдающиеся редакторы, надежные союзники постановщиков.

В связи с «Перестройкой» нужно отметить роковой поворот (другое определение подобрать трудно) в отечественном кино. Именно тогда определились два вектора воплощения *подростковой* и *молодежной* тем (для темы *детской* – и это самый тревожный симптом времени – места находилось всё меньше).

Сторонники первого вектора – «гуманистического» – пытались развивать традиции «поисков светлого начала». А как же назвать второе направление? «Нигилистическое», «депрессивное», «кино отрицания»? Речь идет об экранных произведениях, напрочь лишенных «советских идеалов» (изрядно к тому времени скомпрометированных). Рефренная мысль в подобных лентах – неверие в саму возможность позитивного разрешения накопившихся общественных проблем. Вместо этого – подробное, натуралистическое, переходящее в дурную бесконечность – желание авторов проявить себя «трагическими летописцами эпохи» с неизбежным ощущением «упоения масштабами разрухи». И если творческих сил у сторонников «первого вектора» хватило на год-полтора, то у «чернушников» (пора уже этому второму направлению дать определение, вошедшее в отечественный лексикон еще тридцать лет назад) только начинали «открываться глаза». Последствия этой «инъекции» сказываются в отечественном «киноорганизме» по сей день в самых резонансных лентах социального беспокойства – в быковском «Дураке», в звягинцевском «Левиафане».

В связи с наступающим «великим переломом 80-х» уместно вспомнить еще одну ленту. Это «лебединая песня» советской музыкальной комедии – «Человек с бульвара Капуцинов» (1987, режиссер А. Сурикова). И, пожалуй, одна из последних «семейных картин» СССР.

В этом ироничном и не таком уж простом квазивестерне Андрей Миронов исполнил свою последнюю законченную роль в кино (мистер Фест). Для фильма был создан целый ряд замечательных песен («зонгов», выражаясь на брехтовский манер). А вот «Всё кончено» – единственная трагическая исповедь Феста – «выпала» из окончательного монтажа. Причиной этой «редакции» было утяжеление последней части фильма, и с этим трудно спорить. Но песня живет параллельно с фильмом.

Очень показательный пример наступающего «кинематографа социального пессимизма» – следующая лента Суриковой «Две стрелы.

Детектив каменного века». На экраны она вышла примерно через два года. На этот раз главной темой стала «цена демократии», а именно, как легко её принципы подменяются властью «сильной личности». Но прежде всего этот фильм – и в эстетическом, и в техническом отношении – настоящее «предчувствие кино 90-х» (случайно ли то, что второплановую, пока еще бессловесную роль в «Двух стрелах» исполняет студентка ВГИКа Рената Литвинова?).

«Человеку с бульвара Капуцинов» удалось избежать и пессимизма, и унылого, словно выцветшего изображения «Двух стрел», которые снимались на имевшейся тогда в большом избытке некачественной советской пленке. Ленту о мистере Фесте по-прежнему смотрят, чего не скажешь о «Детективе каменного века». И это тоже вызывает огорчение, ведь пьеса Володина предназначалась для всех, кто «проходил в школе» доисторические времена.

Несмотря на всё новые и новые тревожные симптомы, тогда – во второй половине 1980-х годов – казалось, что для детско-юношеского кинематографа наконец-то открывается «новый путь». Это была иллюзия. «На честных глазах» зрителя гуманистические посылы будут обесцениваться «кинематографом распада». Невидимые, как в сериале «Чернобыль», «радиоактивные частицы» уже начали проникать с экрана в зрительный зал. Новые «контестаторы» (подобно итальянским, появившимся двумя десятилетиями ранее) последовательно отрицают, осмеивают все ценности советской киношколы, которая безуспешно пытается эти самые ценности защитить.

Впрочем, так ли уж сильны были эти попытки?

Подавляющее большинство сценаристов и режиссеров, еще вчера слагавших «песни пионерии», активно подстраивались под «новый формат». Теперь их персонажи – неприкаянные юные «асоциалы», нигилисты, заражающие своей внутренней «несчастью» окружающих. Названия фильмов полностью отвечают их содержанию: «Взломщик», «Шантажист»,

«Поджигатели», «Трагедия в стиле «рок»», «Авария – дочь мента» (как будет невесело шутить в ту пору А. Ширвиндт, «...Я сейчас снимаюсь в трех фильмах: «Грязь», «Мразь» и «Слизь...»). Так естественно «вписываются» в этот ряд названия лент, снятых уже через пятнадцать – двадцать лет: «Изображая жертву», «Все умрут, а я останусь», «Похороните меня за плинтусом».

Юношеское кино «Перестройки» с невиданной для своего времени остротой отражает «злобу дня»: от лицемерия школьной повседневности до подробностей наркотической деградации – самой скрываемой социальной беды в СССР. В этом «параде уродств» ни один из фильмов не давал ответа: как быть дальше? Где, в чем (и, что еще важнее – *в ком*) находить поддержку, выход из страшного тупика?

Так, постепенно, в течение «всего-то нескольких лет» угасает сам детско-юношеский кинематограф. Школьники, которые уже во многом были предоставлены сами себе, в буквальном смысле слова оказались на улице. Хаотичный видеорынок нашел своего потребителя, и вместо подборки «идеологически верных», но наскучивших фильмов юные зрители стремительно приобщались к зарубежному – и, как правило, далеко «недетскому» – репертуару, в забегаловках с телевизором «Рубин» и десятком разномастных стульев.

После почти десятилетнего кинематографического «безвременья», с начала 2000-х годов, начнется новый отсчет отечественного кино для юного зрителя. Но достаточно уверенно смогли заявить о себе пока лишь российские мультсериалы. Лучшие из них не просто развлекают, но и содержат образовательно-просветительское начало («Смешарики», «Фиксики», «Новаторы»).

Заявления о возрождении детско-юношеского кино остаются, увы, преждевременными.

Одна из причин – отсутствие мощного, авторитетного *личностного авторства*.

Иными словами, нет «новых» Александра Роу, Надежды Кошеверовой, Ролана Быкова, Леонида Нечаева, Ильи Фрэза. Есть командный подход сериальных проектов. Нынешний зритель может с детства знать и любить «Смешариков», а чтобы узнать, *кто* их создал – нужно обращаться к сетевым ресурсам. В большей степени, нежели школьники младших классов, обделены качественным отечественным кино подростки. А поскольку с «Гарри Поттерами в стране напряженка», вновь приходится признать преимущества заокеанского экрана для соответствующего «зрительского сегмента».

Подавляющая часть российских остросоциальных, дискуссионных фильмов *не предназначена для зрителей школьного возраста*. А ведь именно юный зритель – гражданин своей страны – может и должен стать полноправным участником, «сопереживателем» экранного дискурса.

Заметна также и утрата еще одного важнейшего направления детско-юношеского кинематографа. Это фильмы-экранизации для школьников. Практически все примеры экранизаций, которые современные учителя могут рекомендовать в классе – старые советские кино- и телефильмы. Казалось бы, «взрослые» экранные прочтения хрестоматийных произведений должны обладать хотя бы «своими» преимуществами? Но удачи такого рода – также большая редкость. Преобладающая реакция – недоумение, которое выражает автор критической статьи в связи с очередной кинотрактовкой, например, «Грозы» (2019): «...Смущает драматургическая беспомощность авторов. Казалось бы, если у тебя есть столь мощный литературный первоисточник, львиная часть работы сценариста уже сделана. Однако опус смотрится вязким набором клипов без какого-либо смыслового и художественного единства...» [8].

Дело в том, что и создатель прошлогодней кино-«Грозы», и многие другие представители российского артхауса – в основном режиссеры и

сценаристы, заявившие о себе еще в 1990-х годах. И этот временной маркер – «мозги девяностых» – проявляется вновь и вновь. Впору вводить еще одно понятие, касающееся безадресности, а соответственно – и «беспризорности» современного российского кино. Как отмечает сценарист и редактор Н. Ермилова, «...есть сорный лес, который вырастает, когда ландшафтный архитектор-дизайнер, лесник и садовник перестают следить за живописным парком и садом. Теперь вот есть и новый вид кинематографа: «сорное кино»...» [9].

Трудно поверить, что часть нынешних режиссеров, ассоциирующихся с «очень, очень взрослым», социально-значимым кинематографом, начинали свой путь как авторы, творящие для детско-юношеского зрителя.

Например, Павел Лунгин, сценарист резонансных фильмов 1970 – 80-х годов, снятых на киностудии имени М. Горького («Все дело в брате», «Конец императора тайги», «Все наоборот», «Непобедимый»). В сборнике 1983 года, посвященном «детским» кинодраматургам, есть и статья, посвященная Лунгину-младшему (о его отце, Семене Лунгине, одном из старейшин детско-юношеского кинематографа, также помещен материал). В рассказе о тогда еще молодом сценаристе автор статьи отмечает ту мысль, что «...творческая судьба Павла Лунгина складывается вполне удачно. И все же сам Павел уверен, что он – неудачник...» [10]. Теперь, почти сорок лет спустя, можно задаться вопросом: а не был ли тот, «малопродуктивный» период сегодняшнего «мастера душеспасительных блокбастеров» по-настоящему творческим? Оставившим истинный след в кинематографе для всех *без исключения* возрастов?

Лишь в последние два – три года наметилась тенденция к снижению возрастного зрительского порога. Но в предлагаемых «фильмах для всех» всерьез практически ничего не говорится о тревогах дня сегодняшнего.

Новый «тренд» семейного экрана – щедро превозносить «лучшие качества советских людей», достойно представлявших страну, которую «нам

потеряли». На протяжении 2010-х годов сформировалась благостная портретная галерея: спортсмены и космонавты, герои войны и «ЖЗЛ» из бесконечных телевизионных байопиков. Но и здесь остается немало вопросов, касающихся исторической достоверности, да и элементарной этики кинематографиста. Тревогу вызывает намеренное, если не сказать спекулятивное, обращение к теме Великой Отечественной войны, особенно когда киногероями выступают дети: «...военные картины последних лет, снятые людьми среднего возраста и молодыми – лишь «эхо» тех лент о войне, что снимали большие мастера, прошедшие войну или просто заставшие ту эпоху...» [11]. В то же время провальный, казалось бы, исторический фильм о движении декабристов – «Союз спасения» (2019) – неожиданно вызвал положительный резонанс, переросший в серьезную гражданскую дискуссию [12]. Рейтинг фильма постепенно повысился во многом еще и потому, что аудитория проекта была расширена за счет зрителей-школьников.

Современный конфликт «художника» и «заказчика» вышел на новые уровни противоречий, которые были неведомы в советскую эпоху: «цензура идеологии» сменилась «цензурой денег», рядом с «заказчиком-государством» появился «заказчик-продюсер». Именно теперь очевидной стала и проблема истинного назначения киноредактора – специалиста, лишённого ныне многих продуктивных качеств советского периода, вовлеченного в новые форматы деятельности, когда приходится решать в большей степени кабинетные, «бумажные», нежели художественные задачи. Значительная часть изложенных вопросов снимается в том случае, когда киноредактор не просто присутствует в съемочной группе, но и обладает веским, авторитетным мнением, влияющим на создание фильма.

Список литературы

1. Редактор и сценарист Изольда Кавелашвили: «Хороший сценарий легко испортить и снять плохое кино» (автор материала Марина Жданова) [Электронный ресурс]: URL: <https://minsknews.by/redaktor-i-stsenarist-izolda-kavelashvili-horoshiy-stsenariy-legko-isportit-i-snyat-plohoe-kino/> (дата обращения: 27.06.2020).
2. *Капрелова М.Б.* Герой-ребенок во взрослом кинематографе: попытка классификации // Пространство и персонаж. Сборник статей / Под ред. Л.Д. Бугаевой. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 351-367.
3. *Васильев Г., Васильев С.* Чапаев // Избранные сценарии советского кино. Т. I. – М.: Госкиноиздат, 1949. – С. 131-178.
4. *Савчук М.* Тем, кто «болеет» за детское кино // СК-Новости. – 2011. – № 4 (282). – С. 7.
5. *Еременко Е.Д.* Редактирование сценария и фильма. Учебное пособие. – СПб.: СПбГИКиТ, 2018. – 76 с.
6. «Цепные псы» кинематографа: круглый стол, посвященный вопросам киноредактуры. Участники: Ф. Гукасян (редактор «Ленфильма»), Ирина Сергиевская (редактор «Мосфильма»), Элла Корсунская (редактор «Мосфильма»), Анна Кагарлицкая (гл. ред. кинокомпании «НТВ-ПРОФИТ»), Людмила Голубкина (редактор «Мосфильма»). Ведущий – гл. редактор журнала «Искусство кино» Д. Дондурей [Электронный ресурс]: URL: kinoart.ru/archive/2001/08/n8-article1 (дата обращения: 27.06.2020).
7. *Полищук В.* Изгой и ведьмы: проблема главного героя в фильмах о школьной травле // Пространство и персонаж. Сборник статей. / Под ред. Л.Д. Бугаевой. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 368-379.
8. *Митина Д.* Осторожно! Экранизации классики! // СК-Новости. – 2020. – № 6. (392). – С. 8.
9. *Ермилова Н.* Русская усадьба зодчего Львова, Шнур и сорное кино [Электронный ресурс]: URL: <https://proza.ru/2020/07/03/2057> (дата обращения: 28.06.2020).
10. *Корякин П.* Павел Лунгин // Драматурги советского детского кино: творческие портреты. Выпуск первый. – М.: ВО «Союзинформкино», 1983. – С. 35.
11. *Борисова Д.* Хватит фильмов о войне? [Электронный ресурс]: URL: https://unikino.ru/wp-content/uploads/sk_news/380.pdf (Дата обращения: 27.06.2020).
12. *Павлова И.* Товарищ, верь! // СК-Новости. – 2020. – № 2 (388). – С. 8.

© Еременко Е. Д., Прошкова З. В., 2020

УДК 392.71;908

А. А. Захарова

К ИСТОКАМ МУЛЬТИЭТНИЧНОСТИ СЕЛЕНИЯ БАЛТА

Научный руководитель:

Долгиева Марем Белановна

Кандидат исторических наук, профессор
Ингушского государственного университета

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов формирования мультиэтничного общества на примере села Балта на Военно-Грузинской дороге. В статье автор впервые предпринимает попытку целиком рассказать историю этого уникального села со времён Средневековья до наших дней. При этом рассматриваются различные версии событий, происходивших в истории поселения. Статья построена на анализе рассказов путешественников, архивных документах и полевых записях.

Ключевые слова: Кавказ, Дарьяльское ущелье, Военно-Грузинская дорога, межэтнические отношения, грузины, ингуши, осетины.

В настоящее время село Балта является примером уникального населенного пункта на Северном Кавказе. Сегодня в нём проживают представители многих национальностей – грузины, ингуши, осетины, армяне, русские. Селение располагается на Военно-Грузинской дороге, на границе Ингушетии, Северной Осетии и Грузии. Из-за мультиэтничности села сложно написать его единую историю, так как каждый народ, чьи представители проживают в нём, имеет свой взгляд на события прошлого. Но этим и ценно данное исследование: оно представляет собой попытку собрать воедино точки зрения разных народов на историю одного села. В этих собранных преданиях, в рассказах и воспоминаниях отражается мировоззрение жителей Балты, её народная история.

В рамках изучения межкультурного и межконфессионального диалога истоки мультиэтничности Балты представляют большой интерес ещё и потому, что на данный момент не существует целостного очерка по истории селения, который отражал бы всю его историческую и этнографическую уникальность.

Говоря о названии Балты, исследователи предлагают несколько версий. «Тюркская» версия свидетельствует о продолжительном соседстве скифо-сармато-аланских племён с тюркоязычными балкарцами. В переводе с ногайского Балта – это «роща» и «топор» [1, с. 230]. Среди местных жителей последнее значение объясняется так: если смотреть на селение сверху, то оно похоже на топор. «Ингушская» версия имеет связь с языческим прошлым народа. Балта, вероятно, есть «место божества плодородия Бал/Бол», (топоформант «tIe» – на/над/место/ровная поверхность и корень «бал») [2, с. 57]. Другой вариант перевода с ингушского языка: «боал» – вишня + показатель множественного числа. С осетинского языка корень названия села «бал» переводится точно также – «вишня». Считается, что в древности на территории села рос вишневый сад. В грузинском языке слово «балта» имеет значение «пряжка».

Рассмотрение вопроса о времени возникновения Балты является важной вехой нашего исследования, поскольку этапы формирования селения напрямую связаны с этническим компонентом и отражают специфику заселения данной территории.

По одной из версий исследователей, в письменных источниках XVI – XVII веков топонимы Балта и Чми ещё не упоминаются [3, с. 126]. В одном из источников говорится о том, что к 70-м годам XVIII века Балту, – наряду с соседними Ларсом и Чми, – считали самыми восточными осетинскими поселениями [3, с. 125]. В дневнике немецкого подполковника на русской службе Штедера от 1781 года уже приводится не просто фиксация Балты как

географического объекта, но дается и краткое описание хозяйства жителей села: упоминаются ингуши, пасущие на равнине у Балты своих овец [4, с. 697].

В середине XVIII века среди ингушей продолжался процесс выхода на равнину, приведший к образованию множества поселений, в том числе и смешанных, в том числе, на западе – ингушско-осетинских. Вероятно, в 60 – 70-е годы XVIII века началось движение ингушей из Тарской долины на север. Одно из направлений этого движения шло в сторону Военно-Грузинской дороги, на Балту [4, с. 694]. Упоминаемые у Штедера ингуши района Балты – это выходцы из ингушского села Джейрах – Цуровы и Цицкиева. Среди коренных жителей селения называются представители данной фамилии, которые проживают в Балте и в наши дни.

Таким образом, можно сделать вывод, что время образования Балты как оформившегося селения – середина XVIII века. Однако, это не означает, что до указанного периода данная территория пустовала. Важным тому подтверждением является приводимая Клапротом информация: «Эти [то есть пришедшие – прим. автора] валагирские осетины из деревни Бад прежде платили дань ингушам, провозгласившим своё право на эту область; но постепенно они укрепились благодаря новым переселенцам и беглецам с гор, так что теперь они причисляют себя к тагаурским осетинам и более не платят никакой дани» [5, с. 203].

Глубокие ингушские корни этого места отражены в дошедших до нас народных преданиях, зафиксированных этнографом Чахом Ахриевым: «Наши предки происходят от орхустойцев; они вышли из Балты, поселились на берегу реки Арм-хий и основали аул Оббоно» [6, с. 34]. Существует также ингушская народная версия образования села. Когда-то жили три брата – Цицк, Балт и Ахильг, и на месте будущей Балты поселился один из них – Балт. Само же селение основали Цицкиева, когда ингуши начали массово спускаться с гор в долину. Представители данной фамилии жили в Джейрахском ущелье, в ауле Обан, который располагается неподалеку от Балты. Цицкиева на сегодняшний

момент – самые многочисленные среди ингушских семей в Балте [7]. Когда в долину Терека пришли грузины, нижняя часть села была уже заселена, поэтому они поднялись на холм над существовавшим селом. С тех пор произошло условное разделение села на Верхнюю Балту, где и в наши дни живут преимущественно грузины, и Нижнюю – ингушскую и осетинскую.

На картах «Кавказского края» 1834 и 1842 годов, а также на «Дорожной карте Кавказского края» 1889 года Балта находится на стыке двух этнических групп – назрановцы/ингуши и тагаурцы.

Письменные документы конца XVIII века содержат информацию о фамилии Дударовых. Среди 11 влиятельных тагаурских семейств выделялись два – Дударовы и Чуровы, которые, по данным источников, владели землями по течению Терека. На этой территории располагалась и Балта. В записях французского дипломата, путешественника Ж.-Ф. Гамба (его путешествие по Южной России состоялось в 1820 – 1824 годах) эта информация подтверждается: «Балта принадлежит одному из князей дома Дондаров. Их отец был знаменит среди горцев своими разбойничьими набегами и жестокостью. Его сыновья подчинились России; некоторые из них служат в армии. Эта семья довольно многочисленна» [8].

Среди ингушей также встречаются представители рода Дударовых, которые относятся к тейпам Мохлой, Леймой, Полонкой. Владения Дударовых (тейп Мохлой) находились вниз по течению Терека и вверх по левому берегу реки, до самой грузинской границы – селения Ларс, Чми, Балта, Футхуз [9, с. 24]. Исследователи отмечают, что, возможно, Мохлой ранее было большим и сильным ингушским обществом. Сегодня в Балте также проживают потомки данной фамилии.

Ингуши и тагаурцы брали налог с каждого человека, проезжавшего по Военно-Грузинской дороге. В апреле 1809 года коменданту Ивеличу от генерала И. В. Гудовича было направлено Обязательство о разрешенных действиях по контролю за Военно-Грузинской дорогой. Одной из важных

целей было обеспечение безопасности для купцов и их товаров, перемещавшихся от Владикавказа до Тифлиса и обратно. Кроме того, согласно одному из пунктов Обязательства, был установлен сбор с купцов по 10 рублей серебром с человека. Ингуши Цуровы принимали участие во взимании сборов и могли получать продовольствие (соль, до 1000 пудов в год) в Моздоке по казенной цене [9, с. 22].

Из воспоминаний декабриста Александра Беляева известно, что в июне 1840 года он проезжал по Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис. В его записях говорится о Балтинском poste, состоящем из редута и нескольких землянок для солдат. На территории напротив села, через Терек, было организовано казачье поселение. Позже казаки были расселены неподалеку, между ингушами и осетинами, для обеспечения и поддержания порядка в ущелье. Так в Балте появились представители русского народа.

В 1860-е годы в Балте открывается одноимённая почтовая станция. Всего по Военно-Грузинской дороге было построено 11 почтовых станций и по одной в Тифлисе и Владикавказе. Балта была первой станцией «экстрапочты» Владикавказ-Тифлис. На почтовых станциях можно было переночевать и сменить лошадей [10, с. 196].

Обслуживанием гостей занималось местное население. Полиэтнический состав Балты отмечен в «Списке населённых мест Терской области», где указывается, что в селении проживали ингуши, осетины, грузины и армяне. О конфессиональном составе населения информации не приводится [11, с. 176 – 177].

С началом XX века в долине Терека происходят серьезные административно-территориальные изменения. В 1924 году из состава упраздненной Горской Автономной Социалистической Советской Республики была выделена Ингушская автономная область; селение Балта вошло в состав её Пригородного района [12, с. 11].

Исследователем-краеведом И. П. Щеблыкиным отмечается, что в 1930 году на 12-м километре Военно-Грузинской дороги находились здание бывшей Балтинской станции, кооператив и ингушская школа. Селение Балта располагалось на холме, выше школы. Все новые постройки в районе школы и станции были воздвигнуты ингушами из горного района [13, с. 26].

В 30-е годы XX века основными видами деятельности жителей Балты были скотоводство (в большей степени овцеводство), а также работы по обслуживанию и ремонту шоссе Военно-Грузинской дороги [14, с. 58].

С 1936 по 1944 годы Балта находилась в составе Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики. В ходе депортации ингушского народа Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. Часть территории была включена в состав Грузинской Советской Социалистической Республики, часть – в состав Дагестанской АССР. Значительная часть земли была передана Северо-Осетинской АССР, куда отошёл и Пригородный район с 39 ингушскими сёлами, в числе которых была и Балта [15, с. 9].

Волны межнациональных конфликтов, начавшиеся в конце 1980-х годов, не привнесли раздор между жителями многонациональной Балты. Некоторые армянские семьи переехали в селение после вооруженных действий в Нагорном Карабахе (1988 год). Во время первого грузино-осетинского конфликта (1989 год) несколько смешанных семей также переехали в Балту. Жителями Балты стали и переселенцы из Ленингорского (грузинское название Ахалгори) района Южной Осетии.

Осень 1992 года оказалась особенно тяжелой для ингушей и осетин. Транспортное сообщение с Владикавказом прекратилось. Орудующие банды мародеров сжигали в Балте дома и постройки. Однако в самом селении между жителями не прозвучало ни единого выстрела. Более того, жители села вспоминают много историй о взаимной поддержке двух народов, когда сельчане помогали с пропитанием тем, кто не успел выехать из Балты и укрылся в горах. Чтобы уберечь ингушские дома от разорения и поджога, на

них вешали белые ленты как знак того, что там живут осетины. Помогали и соседи из Верхней Балты, которые забрали к себе ингушских женщин и детей, выдавая их за своих [7].

Житель Балты, грузин, вспоминает, что помимо национальностей, населяющих Балту в наши дни, в селе до начала 1990-х годов проживали греки, кабардинцы, турки-месхетинцы, азербайджанцы. Однако спустя пару лет многие уехали. Мирная обстановка этого места привлекала многих, но, по словам жителей, на длительное время смогли остаться лишь те, кто готов был уважать идею соседства и быть терпимым друг к другу. Также и подрастающее поколение воспитывается в соответствии с проверенными принципами добрососедства [16; 17].

На сложившуюся стабильную межэтническую ситуацию в многонациональной Балте оказали влияние несколько факторов. Во-первых, это формирование исторически мультикультурного общества на протяжении, как минимум, пяти столетий (по данным письменных источников), чему в немалой степени способствовало и географическое положение села.

Во-вторых, в селе исконно проживали кавказские народы, обычаи и уклад которых построены на общих правилах (уважение старших, скромность, понятие чести и т. д.). Определенные различия касаются религиозной области. По словам информатора Магомета Ахриева, с возрастом происходит переоценка ценностей и приходит более глубокое понимание роли религии в жизни. Для мусульман это выражается в осознанном следовании нормам ислама (совершение пятикратной молитвы (намаза), употребление халяльного мяса (заколотого с произнесением особой молитвы), запрет на харамные действия). В то же время живущие в Балте грузины и осетины отмечают праздник Ломисоба – древний христианский праздник с отголосками язычества [7].

В-третьих, довольно устойчивой ячейкой общества Балты стали межнациональные браки на протяжении нескольких поколений, из чего

вытекает многоязычность жителей: балтинцы-представители разных этносов свободно владеют русским, грузинским, осетинским и ингушским языками. Этому также способствует обучение в единственной школе селения, ведущей свою историю с 1926 года. Дети разных национальностей учатся все вместе. Наравне с главной идеей толерантности учителя формируют у школьников чувство национальной идентичности и прививают любовь к родному языку.

Список источников и литературы

1. Ханмагомедов М.Л., Гебекова А.Н. Тюркский топонимический ландшафт Северного Кавказа вне ареалов расселения тюркоязычных народов как историко-географическая реальность // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей по итогам Международного научного форума, 2017. – Краснодар, 2017. – С. 226-237.
2. Акиева П.Х. Исходящие функции, семантика и аналогии бога Дяла в религиозных воззрениях ингушей // Успехи современной науки. – 2016. – № 10. – Т. 7. – С. 55-60.
3. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX веков. – М.: Наука, 1974. – 276 с.
4. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. – Т. V. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1930. – С. 681-761.
5. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – 326 с.
6. Ахриев Ч.Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Ингуши: сборник статей и очерков по истории и культуре. – Саратов: Региональное Приволжское изд-во «Детская книга», 1996. – С.13-99.
7. Информант Ахриев Магомет Сосланбекович, 1956 года рождения, село Балта, Республика Северная Осетия-Алания. Дата записи: 15.10.2019 г.
8. Гамба Ж.-Ф. Путешествие по Южной России и особенно по областям, расположенным по ту сторону Кавказа, с 1820 по 1824 г. Т. II [Электронная версия]: URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Gamba_Jean/text1.html (дата обращения: 1.10.2019 г.).
9. Дударов А-М.М. Проживание представителей ингушского народа во Владикавказе: документальные и устные свидетельства // Белые пятна российской и мировой истории. – 2016. – № 6. – С. 22-32.
10. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу с приложением 14 карт, 11 планов, 2 чертежей, 44 иллюстраций, расписанием рейсов пароходов Русского общества пароходства и торговли и прочим. – СПб.: Издательство путеводителей Г. Москвича, 1913. – 510 с.
11. Список населённых мест Терской области: По данным к 1-му июля 1914 года / под ред. С.П. Гортинского. Приложение к «Терскому календарю» на 1915 г. – Владикавказ: Электро-печатня Тип. Терск. Обл. Правл., 1915. – 459 с.

12. Список населённых мест Ингушской автономной области: Составлено по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года. – Владикавказ: Гостипография Ингушетии, 1927. – 14 с.

13. *Щеблыкин И.П.* Путеводитель по Ингушской автономной области. С рисунками и картами автора. – Владикавказ: Тип. изд-во «Сердало», 1929. – 80 с.

14. *Анисимов С.* Военно-Грузинская дорога. – М.: Изд-во ВЦСПС, 1925.– 206 с.

15. *Дидигова И.Б.* Одна из репрессивных мер в политике тоталитарного режима: 68 лет со дня депортации ингушского народа // *Lingua-universum*. – 2012. – № 4. – С. 8-11.

16. Информант Коблов Давид, 1953 года рождения, село Балта, Республика Северная Осетия-Алания. Дата записи: 18.10.2019 г.

17. Информант Карелидзе Емзари Ираклиевич, 1964 года рождения, село Балта, Республика Северная Осетия-Алания. Дата записи: 15.10.2019 г.

18. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти томах. Архив главного управления наместника Кавказа / под общ. ред. А. Д. Берже. Т. 3 [1806-1809]. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавказа, 1869. – 760 с.

© Захарова А. А., 2020

УДК 372.8

У. Е. Кириллова, О. П. Ни

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НА БАЗЕ ЗНАНИЙ АНГЛИЙСКОГО

Аннотация. Современная трактовка основной цели обучения иностранным языкам сводится к формированию у учащихся иноязычной коммуникативной компетенции, несмотря на вероятность возникновения у них языкового барьера. В данной статье раскрывается сущность понятия «языковой барьер», его основные разновидности и последствия, а также предлагаются способы работы с обучающимися и несколько демонстративных упражнений для обучения языкам на основе их «взаимопроникновения».

Ключевые слова: языковой барьер, психолингвистика, билингвальный подход, билингвальная методика.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом, одной из основных целей обучения иностранному языку в современной школе является формирование иноязычной коммуникативной компетенции, то есть готовности понимать и порождать иноязычные высказывания и быть участником коммуникации. Казалось бы, достижение цели не представляет серьезных трудностей, так как образовательный процесс уже и есть постоянная коммуникация между учащимися и учителями, однако опыт многих учителей иностранных языков, в том числе и наш опыт работы в Петергофской гимназии императора Александра II, доказывает, что на самом деле наибольшие трудности обучающиеся испытывают именно при желании или необходимости выразить свои мысли, а также при восприятии информации на слух. При беседах с учащимися пятых классов гимназии нами было установлено, что многие из них мысленно предполагают различные

варианты ответов в ходе урока, даже проговаривают их «про себя», но испытывают при этом определенный страх и неуверенность, в результате чего предпочитают чаще всего промолчать на уроках и, в конечном итоге, теряют интерес и мотивацию к изучению иностранных языков. Данное психолого-лингвистическое явление называется «языковым барьером».

На сегодняшний день понятие «языковой барьер» не имеет четко сформулированного определения. Связано это с тем, что помимо собственно языкового барьера в психолингвистике выделяется еще ряд других барьеров, которые очень схожи по смыслу. Обратившись к трудам ученых, исследовавших проблемы барьерных состояний при устной коммуникации в учебной, бытовой и профессиональной практике, нами были выделены следующие виды барьеров, кроме языкового [1, с. 66]:

- Психологический – психологическое состояние, выражающееся в пассивности субъекта и его нежелании выполнять те или иные действия;
- Личностный – невозможность восприятия и порождения высказываний в связи с личностными особенностями – неумением слушать, отличными от других взглядами и ценностными ориентирами;
- Физический – ряд трудностей, вызванных материальной средой (шум, дефекты речи собеседника и т. д.);
- Семантический – непонимание или же неверное понимание значения слов.

На основе изученных нами разновидностей барьеров, мы пришли к мнению, что языковой барьер – это совокупность трудностей различной природы, которые приводят к невозможности использовать языковые знания и умения в процессе понимания и порождения высказываний.

Таким образом, перед учителями остро встает следующий вопрос: как помочь учащемуся преодолеть трудности и подготовиться к активному участию в иноязычной коммуникации, причем не только по бытовым темам, а, возможно, и по вопросам дальнейшей профессиональной деятельности.

Безусловно, с одной стороны, преподаватель иностранного языка сталкивается в школе с рядом объективных трудностей. Это, прежде всего, и ограниченное количество учебных часов, и большие по численности группы, и разный уровень мотивации, а также различные психологические типы и возрастные особенности (пубертатный период) [2, с. 127].

Но, с другой стороны, в современном мире знание одного иностранного языка уже не является чем-то уникальным и выдающимся для построения перспективной карьеры. Все большее и большее количество людей сегодня стремится к знанию двух, трех и более языков, так как это обеспечивает их профессиональную значимость и ценность на рынке труда, открывает возможности для путешествий и работы за границей. Таким образом, обучающиеся школ, а также их родители постепенно начинают осознавать ценность знания сразу нескольких языков, поэтому многие школы сегодня предлагают к изучению английский язык со второго или даже с первого класса, а второй язык – уже с пятого класса (в Северо-Западном регионе наиболее часто предлагаемые языки в качестве второго иностранного – это немецкий, французский, итальянский, финский; выбор второго языка зависит от образовательной программы того или иного учебного заведения).

Петергофская гимназия императора Александра II также не является исключением и позиционирует себя как гимназия с углубленным изучением иностранных языков. При поступлении в пятый класс гимназии учащимся и их родителям предлагается выбор для изучения второго иностранного языка – французский и немецкий языки. Многолетняя практика показывает, что более 50% поступающих в гимназию выбирают именно немецкий язык для изучения. Таким образом, в соответствии с учебной программой гимназии учащиеся изучают английский язык 5 часов в неделю, а второй иностранный – 2 часа в неделю.

На примере нашей гимназии хочется отметить, что при использовании традиционных методов и приемов при изучении иностранных языков трудно

и практически невозможно достичь планируемых результатов, прописанных во ФГОС. Использование коммуникативного подхода, предложенного еще Е. И. Пассовым, уже недостаточно для достижения необходимых целей при изучении языков. Проанализировав учебные программы по обоим иностранным языкам, тематические планы и поурочное планирование преподавателей, мы задумались: можно ли решить проблему языкового барьера при изучении второго иностранного языка с использованием знаний первого?

Тогда мы пришли к идее, что обучать второму языку нужно параллельно и в рамках билингвального подхода. Под билингвальным подходом на сегодняшний день мы понимаем освоение обучающимися языкового материала, образцов и ценностей культур разных народов мира на основе одного иностранного языка, когда второй иностранный язык выступает в роли вспомогательного материала для качественного изучения первого и формирования иноязычной коммуникативной компетенции в области сразу двух языков.

Считаем также важным отметить, что современные учебники для изучения немецкого языка как второго иностранного в большинстве своем не предусматривают использование контрастивных упражнений [3, с. 50].

В контексте исследуемой нами проблемы мы можем говорить о взаимопроникновении изучаемых языков, постоянном сопоставлении и сравнении обеих языковых систем. При обучении второму иностранному языку, особенно на начальном этапе, необходимо всячески стимулировать учащихся к получению новых знаний, основанных на догадке, например, через семантизацию и закрепление лексики по различным темам (*Family – die Familie*), грамматические темы (*to be – sein, to have – haben*). Упражнения, построенные на сравнении двух языков, помогают процессу «раскрытия» личности учащегося, снимают напряжение и способствуют его готовности к языковому взаимодействию [4, с. 246].

Мы также считаем необходимым сочетать билингвальную методику еще и с игровыми технологиями, так как учащиеся пятых классов – это дети 10 – 12 лет, совсем недавно вышедшие из младшего школьного возраста, поэтому игровые упражнения будут являться для них не только ресурсом развития тех или иных языковых навыков и умений, но и источником мотивации к изучению языков и хорошей возможностью преодоления языкового барьера [5, с. 180].

Далее мы предлагаем примеры упражнений в рамках используемого нами билингвального подхода.

Am See

_____ (today) ist das Wasser warm,

(today) kann's nicht schaden.

_____ (fast) hinunter an den See!

Heute geh'n wir _____ (to swim).

Eins, zwei, drei, _____ (the trousers) aus,

_____ (boots) , Wams und Wäsche,

Und dann, plumps! _____ (in water) rein,

Grade wie die Frösche!

Und der schöne _____ (the sunshine)

Brennt uns nach dem Bade

Brust und Buckel knusperbraun,

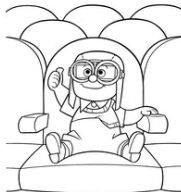
Braun wie _____ (chocolate).

Adolf Holst

Übung 1. Lesen Sie das Gedicht. Vertauschen Sie englische Wörter den Deutschen Wörter. Präsentieren Sie das Gedicht eindrucksvoll vor Ihren Klassenkameraden

В данном упражнении учащимся необходимо заполнить пропуски в стихотворении на немецком языке, основываясь на знании соответствующих английских слов. Выполняя подобные задания, учащиеся совершенствуют не только лексические, но и грамматические навыки в обоих языках, ведь данное упражнение подразумевает также и обсуждение грамматической составляющей языков: какие слова могут сочетаться друг с другом в немецком и английском языках, а какие однозначно не могут.

Deutsches Wort	Englisches Wort	Das Bild
Die Postamt	Restaurant	
Die Kathedrale	post-office	
Die Galerie	Museum	

*Übung 2. Finden Sie ein Synonym
für jedes Deutsche Wort in Englisch und ein Bild zum Wort*

При выполнении подобных упражнений происходит семантизация новой лексики посредством языковых параллелей между английским и немецким языками, помогают в этом и соответствующие изображения. Подобные упражнения, по нашему мнению, являются эффективными, потому как формирование активного словаря учащегося происходит параллельно на

двух языках, что способствует более качественному овладению новыми языковыми единицами.

При обучении иностранным языкам в школе большое внимание уделяется работе с тетрадью. Учащимся предлагаются различные виды упражнений. Полезным, на наш взгляд, является ведение билингвального лексического словаря, запись устойчивых выражений на английском и немецком языках, а также ведение грамматического справочника, где учащиеся записывают/выполняют схожие в обоих языках грамматические структуры и упражнения.

Таким образом, для развития и поддержания интереса к изучению немецкого языка как второго иностранного прежде всего, на наш взгляд, необходимо использовать знания и ресурсы первого иностранного языка. Поскольку к моменту начала изучения второго языка наши школьники уже имеют достаточные знания по английскому языку, ориентируются в грамматике и владеют лексическим запасом по основным бытовым темам, опора на эти знания создает положительный эффект, дает возможность учащимся «поверить в себя», раскрепощает и стимулирует их к языковому взаимодействию. Кроме того, использование знаний первого иностранного языка при изучении второго позитивно сказывается на уверенности учащегося в себе и в своих способностях: подобная методика предотвращает возникновение языкового барьера и содействует возникновению более устойчивой учебной мотивации.

Список литературы

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 284 с.
2. *Шашиурова М.Ю., Крестьянинова А.С.* Языковой барьер в современном обществе // Наука без границ. – 2017. – № 11 (16). – С. 126-129.
3. *Слабухо О.А.* Реализация системы упражнений в современных школьных учебниках по второму иностранному (немецкому) языку // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 1. – С. 48-51.
4. *Ни О.П.* К вопросу об обучении немецкому как второму иностранному языку (на базе английского) // Вопросы методики преподавания в вузе: Ежегодный сборник. – 2011. – № 14. – С. 244-248.
5. *Ни О.П., Филиппова Л.М.* Особенности обучения переводу профессиональной лексики студентов технических вузов в условиях дидактической триглоссии (на примере английского и немецкого языков) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 1 (215). – С. 178-183.

© Кириллова У. Е., Ни О. П., 2020

УДК 82-14

А. А. Копьева

ТЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ «СТАРШИХ» ПОЭТОВ БЕЖЕЦКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье анализируется поэтическое творчество современных авторов Бежецкого района Тверской области, рассматривается тематическое своеобразие их лирики и конструируется портрет лирического героя, характерного для творчества бежецких поэтов старшего поколения.

Ключевые слова: литературоведение, литературное краеведение, лирическая поэзия, тематика лирики, религиозная лирика.

Современная поэзия Бежецкого района Тверской области – многогранное явление, представленное творчеством как молодых, так и зрелых авторов. В настоящей работе мы рассмотрим поэтический сборник «Окрылённые рифмой», вышедший в 2013 году в городе Бежецке, и исследуем творчество представленных в нем «старших» поэтов с позиции тематического своеобразия их лирики.

Издание увидело свет благодаря активной работе историко-краеведческого альманаха «Бежецкий край», учредителем и главным редактором которого является Владимир Васильевич Козырев. Данный поэтический сборник мы называем антологией современной бежецкой поэзии, поскольку в нем представлены стихотворения поэтов, родившихся во второй половине XX века и ныне живущих в Бежецком районе. «Окрылённые рифмой» – это двадцать пять поэтов-бежечан, мировидение которых различно. Стихотворения каждого автора предваряет краткий комментарий от

редактора, в котором содержится информация о дате и месте рождения поэта, его образовании и профессии.

Первая группа авторов – старшее поколение, которое представляют бежечане, родившиеся в 40 – 50-е годы XX века: Гусева Светлана Николаевна, Ершов Геннадий Иванович, Коган Александр Леонидович, Колесниченко Валентина Васильевна, Кукушкина Галина Анатольевна, Николаев Алексей Иванович, Преображенский Валентин Иванович, Сазонов Юрий Владимирович, Семенова Любовь Борисовна, Шоричев Анатолий Алексеевич. В творчестве поэтов старшего поколения можно выделить пейзажную лирику, философскую, религиозную и любовную. Отдельно звучат темы поэта и поэзии, малой родины.

Так, тема совершенства природного мира, сопряженная с позитивным осмыслением жизни, появляется в творчестве Светланы Николаевны Гусевой в стихотворении «Белые ночи, волшебные ночи...»: «Белые ночи, волшебные ночи, / Месяц счастливый июнь. / Лето ладони росой намочит. / Ах, как соловьи поют!.. Все мимолетно, все быстротечно, / Июнь, птицей звонкой лети! / Радость не вечна, и грусть не вечна, / О жизнь! Я в начале пути!» [1, с. 27]. У Геннадия Ивановича Ершова многие стихотворения заключают в себе природные картины: «Одиночество», «Весна в лесу», «Как хорошо, когда в душе весна!», «Зимняя зарисовка», «Ночь упала над рекою». Пейзажи связаны с внутренним миром человека: лирический герой сопоставляет свои переживания с явлениями природы, которые он наделяет человеческими эмоциями и мыслями. Такую картину можно наблюдать в стихотворении «Одиночество»: «Деревья, как люди, живут, умирают, / Тоскуют, печалются, плачут, страдают, / Им больно и горько, порою тревожно, / Когда друга в жизни найти невозможно» [1, с. 40]. Авторский подход к олицетворению природы напоминает прием психологического параллелизма, широко распространенный в фольклорных текстах, что роднит авторскую лирику с народным искусством. Как мы указали выше, пейзажная лирика представлена

в творчестве всего старшего поколения, также как и лирика философская. Обратимся к темам, которые, являясь наиболее яркими, могут характеризовать самих поэтов старшего поколения, их мировоззрение и восприятие ими окружающего мира – это темы малой родины, крестьянской жизни, Православия.

Первая оригинальная тема поэтов старшего поколения – проблема малой родины, которая затронута в стихотворениях Г. И. Ершова «Как хорошо, когда в душе весна!» и Г. А. Кукушкиной «Между Москвой и северной столицей...». У первого поэта Бежецк, где родился и жил Геннадий Иванович Ершов, изображен как родной и милый сердцу городок, в котором прошло сказочное детство главного героя. Образ города создается через отдельные топонимы: «волны Остречины» [1, с. 42] (бежецкая река – прим. А.К.), «моложский бережок» [1, с. 42] (название другой реки, протекающей в Бежецке, – Мологи – прим. А.К.), «на дорожке Липовой аллеи» [1, с. 42] (известная аллея города, которая, в частности, представлена на фотообложке сборника «Окрылённые рифмой» – прим. А.К.). У Галины Анатольевны Кукушкиной образ Бежецка возникает также благодаря подобному использованию топонимов. Первый топоним открывает стихотворение: «Между Москвой и северной столицей / Есть милый сердцу тихий городок» [1, с. 74]. Лирический герой произведения с любовью вспоминает детство и молодость, прошедшие в маленьком провинциальном городке; вспоминает Липовую аллею, наблюдавшую за первыми любовными свиданиями лирического героя; указывает на ту же бежецкую речку – Мологу.

Следующая уникальная тема, которая звучит только в творчестве старшего поколения поэтов-бежечан, – проблема крестьянской жизни. Проблема крестьянства описана в стихотворении Валентины Васильевны Колесниченко «Я – третье поколение крестьян», другие авторы не затрагивают данную тему. В этом произведении лирическая героиня вспоминает о жизни крестьян, которую «знала лишь по книжкам» [1, с. 63]; она видит, как тяжела

была жизнь этих людей, как много они работали, сколько сил вкладывали в землю. Героиня приводит слова о крестьянах, которые услышала от других людей: «Мне все твердили: “ Сельский труд тяжёл, / Он – кабала, он – каторга, неволя, / И род наш от земли давно ушел / Искать иной, счастливой этой, доли”» [1, с. 63]. Однако главная идея стихотворения заключается в описании пропасти между ныне живущими потомками крестьян и их предками: «Они стоят, немые от стыда, / Что их потомки предали деревню, / И между мной и ними – борозда! / Прости меня, мой корень древний!» [1, с. 63]. Таким образом, стихотворение Валентины Васильевны Колесниченко «Я – третье поколение крестьян» можно причислить к крестьянской поэзии, в которой затрагивается проблема положения деревни.

Стихотворения, посвященные темам Православия и веры, также можно обнаружить в лирике бежецких поэтов старшего поколения. К таким произведениям относятся тексты Г. И. Ершова («Волшебный звон», «Люблю тебя, Владычица небес», «Полуночная беседа») и стихотворение В. В. Колесниченко «В монастыре». «Волшебный звон» Геннадия Ивановича посвящен перезвону колоколов, мелодии, которая «будит в душе христианскую печаль» [1, с. 39] и «уносит раздумья в небесную даль» [1, с. 39]. Образ колокольного звона открывает лирическому герою двери Рая, наполняет его взор картинами небесной счастливой жизни: «Туда, где Господь во Вселенной живет, / Где ангел небесный мне песню поет, / Где нет ни унынья, ни зла, ни врагов, / Где плата Марии сверкает покров, / Где свет лучезарный объемлет меня / И вечно ласкает в сиянии дня...» [1, с. 39].

В другом стихотворении «Люблю тебя, Владычица небес» Геннадий Иванович Ершов создает образ Богородицы, Святой Марии, который проникновенно ощущает лирический герой произведения. Герой обращается к Богородице за успокоением и защитой, продолжая восхищаться Её красотой и силой: «И чуден в свете вечный образ Твой, / И ярок нимб главы Твоей

прекрасной, / Он, как огонь лампы золотой, / Блестит звездой торжественной и ясной» [1, с. 40].

В стихотворении «В монастыре», принадлежащем Валентине Васильевне Колесниченко, можно наблюдать похожую картину. Лирический герой здесь не проявляет себя, а всего лишь пересказывает увиденное им событие: как снежной ночью древний монах, находящийся «в маленькой келейке» [1, с. 65], молился за всех людей, и сам Бог, услышав молитву монаха, озарил светом и келью молящегося, и сам монастырь. Заканчивается повествование описанием приходящих к монастырю «богомольцев» [1, с. 66]. Видение Бога, описанное в стихотворении, – настоящее откровение для верующего человека. В данном стихотворном произведении представлена идея радости, вдохновения, упоения и надежды, которые земному человеку дает и молитва, и сам милосердный Господь. Стихотворение этого автора и тематически, и эмоционально похоже на описанную выше лирику Геннадия Ивановича Ершова. Оба бежецких поэта верят и наслаждаются своей верой, подчеркивая ее благотворное влияние на душу человека.

Таким образом, проанализировав пейзажную и религиозную лирику этих авторов, разобрав стихотворения, посвященные малой родине и крестьянству, можно подвести некоторые итоги изучения творчества данных поэтов. Какую бы тему ни затрагивал автор этой категории, мироощущение его лирического героя наполнено оптимизмом. Герой испытывает бесконечную радость и благодарность, выражаемую и своим предкам, и самому Богу. Лирический герой полон сил и надежд на будущее, он не перестает восхищаться природой родного края. Необходимо продолжить исследование сборника «Окрылённые рифмой», потому что перед нами стоит важный вопрос: какие тематические тенденции наблюдаются в лирике бежецких поэтов иных возрастных категорий? Следует узнать, как именно изменяется образ лирического героя и образ окружающей действительности, потому как кажется, что подобные изменения неизбежны.

Список литературы

1. Бежецкий край: историко-краеведческий альманах. Выпуск 7: Окрылённые рифмой / учредитель, гл. ред.: В. В. Козырев. – Вышний Волочёк, Тверская область: «Ванчакова линия», 2013. – 144 с.

© Копьева А. А., 2020

УДК 738

О. Л. Морева

ИСТОРИЯ, ВЕДУЩИЕ МАСТЕРА И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАЛАКЛАВСКОЙ МАЙОЛИКИ

Аннотация. В статье описаны стилистические особенности балаклавской майолики. Представлена краткая история керамического производства и ведущие художники данного промысла. Выделены художественные направления балаклавской майолики, которые позволяют определить данный промысел как оригинальный. Описаны художественные особенности и технология изготовления изделий в технике балаклавской майолики.

Ключевые слова: балаклавская майолика, художники балаклавской майолики, стилистические особенности балаклавской майолики, технология балаклавской майолики.

Важной задачей современного общества является сохранение и развитие народной художественной культуры, поддержка народных ремесел. Народное искусство не только сохраняет традиции и культуру народа, но имеет огромный потенциал воздействия на духовно-нравственное и художественно-эстетическое развитие человека, является стимулом для творческого самовыражения.

Политика государства направлена на поддержку народных художественных промыслов. В 1999 году принят Федеральный закон № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», в котором отмечается, что народные художественные промыслы представляют собой неотъемлемое достояние и одну из форм народного творчества народов Российской Федерации. Сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов является важной государственной задачей [1]. В 2017 году

Правительством Российской Федерации было принято распоряжение № 2800-р по утверждению мероприятий («дорожная карта»), направленных на сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов и ремесел на период до 2019 года и по дальнейшей разработке плана данных мероприятий на период до 2022 года.

В рамках этой «дорожной карты» в Севастополе реализуется проект «Севастополь – город открытий», который направлен на возрождение, поддержку и популяризацию народных промыслов региона. Создан художественно-экспертный совет по народным промыслам. Изучаются народные промыслы, ведётся работа по созданию банка данных ведущих мастеров, собираются и систематизируются образцы художественных изделий и виды узоров. Готовятся к выпуску методические пособия по народным промыслам для использования в образовательных учреждениях города.

К сожалению, народные промыслы Севастополя недостаточно рассмотрены в научных публикациях и требуют изучения и систематизации. В данной статье будут рассмотрены стилистические особенности балаклавской майолики – одного из художественных промыслов Севастополя.

История керамического производства на Крымском полуострове исчисляется веками. Первобытные люди жили здесь уже 150 тысяч лет тому назад. Некоторые из найденных ранних глиняных изделий являлись предметами ритуальных церемоний [6, с. 5]. Глина проста и легка в обработке. Ее пластические и художественные возможности огромны. Первые глиняные изделия лепили вручную, и потому они могли быть неправильной формы. Позже был придуман ленточный способ изготовления сосудов, затем был изобретён гончарный круг, и в результате керамические изделия совершенствовались по форме и декору. Работая над ними, человек захотел их украсить, усложнить их форму, добавить орнамент и цвет. Со временем техника обработки становилась всё разнообразнее и сложнее.

На территории будущего Севастополя и его окрестностей керамика появилась еще задолго до основания древнегреческого города Херсонеса. Но особенно красивой и разнообразной она была, конечно, в античные времена. За городской стеной Херсонеса в ходе раскопок был открыт район Керамик. Там находились гончарные мастерские. Набор изготавливаемых изделий был очень разнообразен – это архитектурные детали, кровельная черепица, сосуды различных форм (огромные пифосы – для хранения зерна, воды, масла, рыбы; стройные амфоры – для перевозки этих продуктов), грузила, веретенные прясла, светильники, терракотовые статуэтки. В одной мастерской была найдена амфора с красной краской. Краска использовалась для росписи амфор и кувшинов. Изящная столовая посуда покрывалась черным лаком и украшалась рельефным орнаментом [5].

В IX веке в средневековом Херсонесе появляются сосуды с поливной и глазурованной поверхностью. Мастер, производивший поливную посуду, был не просто гончаром, но и художником, лепщиком, владевшим искусством пластики. Средневековые мастера достигли гармонического соединения формы, орнамента и цвета изделия. Византийское искусство на территории Херсонеса – это синтез античных и восточных мотивов. Керамику украшали символическими изображениями: аканф, рыба, лавровый венок, восточная плетенка, грифон, голубь. Одним из самых распространённых мотивов в орнаменте стал византийский цветок, который выполнялся в виде трех или пятилепестковых пальметт. У основания такого элемента имеются характерные спиралевидные усики [2].

В начале XVIII века в России появляется майолика. Простота производства и доступность сырья сделали её весьма распространенной и часто применяемой в быту. Дизайн майоликовых изделий, роспись и лепной декор с древних времён несут в себе дух народного творчества, интерпретируя в художественных образах историю, религию и культуру места бытования промысла [3].

Богатая история изготовления керамики на Крымском полуострове в настоящее время не оборвалась в Севастополе и его окрестностях. В 1961 году в Балаклаве при районном промышленном комбинате открывается кирпичный завод, на котором создаётся цех керамических изделий. Цех выпускал большой ассортимент керамики: вазы, кувшины, кофейные и чайные сервизы, чаши, блюда. Керамика изготавливалась из тонких беложгущихся и цветных масс, декорировалась цветными глазуриями и ангобами, расписывалась цветными глазуриями по матовым ангобам, украшалась художественной лепкой. Изделия балаклавских мастеров – изящные и выразительные по форме, сдержанные или, наоборот, насыщенные по цвету, дизайн их часто следует формам древнего Херсонеса.

Ведущие художники балаклавской майолики: Сихарулидзе Мурад Семёнович, Грабченков Антип Маркович, Грабченков Виктор Антипович, Дарчич Владимир Анатольевич, Дарчич Наталья Петровна, Смирнов Анатолий Степанович.

Грабченков Антип Маркович был в числе тех, кто создавал керамический цех в Балаклаве. Окончив в 1953 году отделение художественной керамики Черновицкого художественного училища, он приехал по направлению лепщиком-модельщиком в Севморстрой. Затем попал в Балаклаву, где при райпромкомбинате создавался кирпичный завод. В 1961 году завод выпустил первые художественные изделия. Антип Маркович работал технологом, модельщиком, долгое время был главным художником завода. Он разрабатывал сувенирную продукцию, изготавливал изделия в технике мелкой пластики, делал сосуды в традициях чёрнолаковой древнегреческой вазописи, создавал авторские сервизы и вазы в восточном стиле [4, с. 4].

Грабченков Виктор Антипович окончил Крымское художественное училище имени Н. С. Самокиша, учился секретам керамического производства у своего отца А. М. Грабченкова. Среди изделий Виктора

Антиповича настенные панно с лепниной и росписью глазурями, декоративные блюда, чайные и кофейные сервизы, различные керамические изделия [4, с. 5].

Творческим союзом двух художников – Дарчич Владимира Анатольевича и Дарчич Натальи Петровны – созданы керамические изделия в разных художественных техниках. Проработав на Балаклавском заводе более 30 лет, они трудились совместно: форма – Владимира, роспись – Натальи. Художница экспериментировала с ангобной росписью, расписывала керамические изделия по мотивам уральских сказов, сюжетов древней Эллады, бисерных вышивок Востока. Также Наталья Петровна делала вазы с ажурным прорезным орнаментом. В 1990 году на международной выставке в Центральном выставочном зале московского Манежа изделия Натальи и Владимира Дарчич получили диплом, в котором в графе «экспертная оценка» сказано: «Соответствует мировым стандартам» [4, с. 6 – 7].

Самый знаменитый керамист Балаклавы – заслуженный художник Украины, народный мастер декоративно-прикладного искусства Мурад Семёнович Сихарулидзе. Он родился в 1944 году в Грузии, окончил Мцхетское художественно-керамическое училище. За четверть века мастер разработал и создал не один десяток наименований керамических изделий, из которых большинство пошло в массовое производство. Балаклава и Севастополь позволили мастеру соединить творчество с любовью к истории. Его увлечение античностью Херсонеса привело к созданию керамики в стиле греческой чернофигурной и краснофигурной вазописи. В кратерах, лекифах, амфорах Мурада Сихарулидзе есть почерк автора – они кажутся чуть тоньше, изящнее, звонче [4, с. 8].

Мурад Семёнович соединяет торжественность грузинских форм с изяществом античности. В качестве основных элементов орнамента он использует крымские растения – цветы алычи, миндаля, абрикоса, шиповника. Его техника керамики разнообразна: изделия из беложгущихся и цветных

керамических масс с применением восстановительного обжига, имитирующего блеск металла, использование гравировки и поливы, декорирование цветными глазурями и ангобами, роспись цветными глазурями по матовым ангобам, художественная лепка. Разнообразие изделий М. С. Сихарулидзе крайне велико – это декоративные вазы, тарелки, столовые, чайные и кофейные сервизы, наборы для компота, пива и вина, декоративная скульптура, блюда, сосуды, напольная керамика. Для каждого из данных изделий им найдена своя совершенная форма, свои цвет и орнамент.

Керамика М. С. Сихарулидзе долгое время была визитной карточкой Балаклавы: его работы участвовали не только в республиканских, областных и городских выставках, но и были представлены в павильоне Украины на Национальной выставке СССР в Соединённых Штатах Америки в 1977 году. Вместе с коллегами он участвовал в разработке сувенирной продукции к Московской олимпиаде 1980 года, за что получил благодарственное письмо Олимпийского комитета. Именно его творчество во многом позволило говорить о балаклавской керамике как о художественном явлении. Изделия балаклавских мастеров пользовались спросом у покупателей и неоднократно выставлялись на региональных, всесоюзных выставках, были отмечены дипломами, и хранятся в многочисленных частных коллекциях, а также в нескольких государственных музеях – Музее героической обороны и освобождения Севастополя, Севастопольском художественном музее имени М. П. Крошицкого и других. К сожалению, в 1990-е годы цех был продан вместе с бесценной коллекцией образцов. Каждый народный промысел обладает оригинальностью, характерными чертами и индивидуальными особенностями, отличающими его от других. В балаклавской майолике можно выделить несколько основных сложившихся направлений керамических изделий.

1. Керамические изделия массового производства. К ним относятся горшки, чаши, кружки и вазы традиционные по форме для славянской гончарной керамики. Массовые керамические изделия декорируются скромно. Они покрыты глазурью или ангобом, иногда используется несколько глазурей и ангобов, делаются плавные переходы одного цвета в другой, изделие декорируется отдельными элементами росписи: полоска, волна, веточка, цветок. Красота сахарницы (рис. 1) в исполнении М.С. Сихарулидзе – в простоте, скромном декоре, напоминающем гроздь винограда, цветовых переходах глазури. Подобные изделия традиционны для славянской керамики и выпускаются на многих керамических производствах.

Рисунок 1. Сахарница.
Фото В.Р. Курмаевой

2. Керамические изделия массового производства, отлитые из жидких шликерных глин. Изделия напоминают по форме восточные и древнегреческие сосуды, но при этом более вытянутые, со сложными по форме ручками, украшенными декоративной лепкой. Данные изделия также покрывают глазурью или ангобом. Для декора используется один цвет покрытия или несколько глазурей и ангобов. Украшаются изделия просто, плавными переходами одного цвета в другой, полосками, отдельными элементами узора. Иногда горловина и дно декорируются люстрами, которые придают металлический, перламутровый блеск. Красота таких изделий в изяществе формы, лепном декоре ручек, переливах глазури и скромной росписи (рис. 2). Подобные изделия являются оригинальными

Рисунок 2. Вазы
«Эллада», «Легенда»

образцами балаклавской майолики и характерны только для данного промысла.

3. Авторские керамические изделия, отлитые из жидких шликерных глин, покрытые цветной глазурью или ангобом и украшенные художественной лепкой (рис. 3). В качестве лепного украшения чаще использовали мелкие цветки с пятью лепестками в окружении листиков, а также более крупные цветы с листиками и пышные лепные розы в окружении листьев. Фон изделия может быть однотонный или с переходами одного цвета в другой. Подобные изделия являются оригинальными образцами балаклавской майолики и характерны для данного промысла.

*Рисунок 3. Чайник «Нежность».
М.С. Сихарулидзе.
Фото В.Р. Курмаевой*

4. Авторские керамические изделия различные по форме, отлитые из жидких шликерных глин. Они иногда напоминают славянские кринки и горшки или похожи на восточные кувшины, древнегреческие сосуды, но более утончённой и вытянутой формы, украшены богато декорированными ручками. Несмотря на различие формы, эту керамику объединяет одинаковый декор. Всё изделие после отливки покрывают ангобом. Затем по ангобу процарапывается узор, цветочно-лиственный орнамент, кружевные завитки (техника сграффито). Процарапанный белый узор контрастирует с тёмным фоном изделия, придаёт декоративность и изящность. Отдельные элементы цветочного орнамента покрываются глазурью. Как правило, цветы покрываются светлой бело-голубой глазурью, а листья – бордовой. Отдельные части изделия

*Рисунок 4. Сахарница.
М.С. Сихарулидзе.
Фото В.Р. Курмаевой*

декорируются люстрами, которые придают металлический блеск. Иногда перед обжигом изделие покрывается тонким слоем прозрачной глазури. Подобные изделия являются оригинальными образцами балаклавской майолики и характерны для данного промысла (рис. 4).

5. Керамические изделия, на которых выполнен прорезной орнамент в виде ажурных сквозных отверстий. Полоской прорезного орнамента может быть украшена только часть изделия. Также всё изделие может быть покрыто ажурным прорезным орнаментом. Такие изделия покрывались глазурью и расписывались. Изделия ажурной прорезной керамики не получили большого распространения на фабрике балаклавской майолики. Примером данной техники является простая, на первый взгляд, но технологически сложная форма конфетницы (рис. 5). Она украшена лишь волнистой линией и сквозными дырочками.

*Рисунок 5. Конфетница.
М.С. Сихарулидзе.
Фото В.Р. Курмаевой*

6. Мастерами балаклавской майолики выпускались керамические изделия по мотивам древнегреческих сосудов с использованием в декоре традиционных греческих орнаментов – меандра (волны), пальметты (пальмовой ветви), композиций с людьми в традициях греческой чернофигурной и краснофигурной вазописи. Подобные изделия по мотивам греческой вазописи хотя и пользовались спросом у покупателей, но они не могут быть признаны традиционными для Балаклавы и Севастополя, так как являются стилизованными копиями древнегреческой керамики.

Таким образом, к оригинальным изделиям балаклавской майолики можно отнести керамику второй, третьей и четвёртой групп. Наибольшее количество сохранившихся керамических изделий относится к четвёртой группе. Рассмотрим более подробно технику их выполнения.

Данные керамические изделия отлиты из жидких шликерных глин. По форме они могут напоминать древнегреческие сосуды, но более утончённые с богатым декором ручек (рис. 6), традиционную славянскую керамику (рис. 7), восточные керамические сосуды и кувшины (рис. 8). Отлитые в гипсовых формах из жидкой шликерной глины изделия, после выемки из формы сушатся один день. Роспись ангобами производится до

Рисунок 6. Ваза.
М.С. Сихарулидзе.
Фото В.Р. Курмаевой

Рисунок 7. Супница «Кружева».
М.С. Сихарулидзе.
Фото В.Р. Курмаевой

обжига, когда

изделие находится в кожетвердом состоянии. Оно уже подсохло, но еще содержит достаточно влаги. Именно это обеспечивает наиболее прочное сцепление ангобов с его поверхностью. Балаклавская майолика покрывается, чаще всего, ангобом темных оттенков серого, коричневого цветов, иногда используют сине-голубые и светлые ангобные покрытия. Затем по слегка

влажному покрытию процарапывается ажурный рисунок в виде цветочно-лиственного орнамента или ажурных завитков. Процарапанный до основания изделия узор выделяется светлым контрастом на тёмном ангобном фоне, что придаёт декоративность и изящность. Такая техника называется сграффито.

После этого изделию дают слегка подсохнуть, а затем приступают к росписи глазурью, которой покрываются отдельные элементы цветочного орнамента. Как правило, цветы покрываются светлой бело-голубой глазурью, а листья бордовой. Настоящий цвет у ангобов проявляется после обжига. Многие из них имеют матовую, мягкую, приглушенную окраску, напоминая пастель или цветные мелки. Иногда на ангобные изделия перед обжигом, после предварительной просушки, наносят тонкий слой прозрачной глазури. Такие изделия после обжига имеют уже не матовую, а глянцевую поверхность, краски становятся сочными и яркими. После обжига отдельные части изделий декорируют люстрами, чаще – основание и горловину изделия. Люстры придают изделию металлический, перламутровый блеск, переливаются всеми цветами радуги.

Рисунок 8. Кофейный сервиз.
М.С. Сихарулидзе.
Фото В. Р. Курмаевой

Итак, художественные стилистические особенности балаклавской майолики ярко выражены в следующих видах керамических изделий:

1. Изделия в технике сграффито с цветочно-лиственным орнаментом и кружевным узором по ангобному фону, с окрашиванием элементов цветов и листиков глазурью и декорированием люстрами. Изделие может быть с матовым ангобным покрытием или покрытым прозрачной глазурью.

2. Изделия с объёмным лепным цветочно-лиственным узором по поверхности изделия, когда имеют место использование ангобного фона или покрытие изделия глазурью одного цвета либо с плавными переходами разных цветов глазури.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/179957/#friends>, (дата обращения 30.06.2020).
2. Византийский Херсон: Каталог выставки / [Авт.-сост. Л. А. Голофаст и др.]; Отв. ред. И. С. Чичуров. – М.: Наука, 1991. – 256 с.
3. Майолика Балаклавы: буклет. – Феодосия: Офсетная фабрика, б.г. – 14 с.
4. Уманская Т., Воронина Т. Балаклавский путь к искусству. Творческий союз художников Севастополя «Мистецький шлях». – Севастополь, 2004. – Выпуск 2.
5. Щербакова В.С., Колесникова Л.Г., Рыжов С.Г., Курганова С.И. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею и раскопкам. – Симферополь: Таврика, 1979. – 128 с.
6. Эткин Д. Керамика для начинающих. – М.: Арт-родник, 2006. – 128 с.

© Морева О. Л., 2020

УДК 902

А. А. Сафина, Л. А. Ширяев

КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Аннотация. В статье рассматривается происхождение и развитие комплекса вооружений жителей Волжской Болгарии, а также влияние на него элементов вооружения, присущих кочевым народам. Также в статье содержится критика некоторых современных подходов к изучению истории волжских болгар.

Ключевые слова: археология, Средние века, Волжская Болгария, комплекс вооружения, кочевники.

История Волжской Болгарии – средневекового государства на территории Среднего Поволжья – является яркой иллюстрацией развития комплекса средневекового вооружения под влиянием различных факторов. Военное дело волжских болгар, зародившееся в VIII в. с развитием металлургии, претерпело значительные изменения вместе с внутренней эволюцией болгарского общества, которая привела в начале X в. к созданию раннефеодального государства. Помимо этого, на развитие комплекса вооружения в значительной мере повлияло и геополитическое положение волжских болгар. По данным мусульманских географов X – XI вв. мы знаем, что земли Волжской Болгарии находились восточнее славянских княжеств, а на остальных пограничных землях волжские болгары соседствовали со множеством евразийских кочевых народов. Именно проблема взаимоотношений Волжской Болгарии и соседних кочевых племен – наряду с параллельным внедрением военных новинок в болгарский комплекс вооружения – является ключевой в данной работе.

К сожалению, в настоящее время данная тема исследована недостаточно хорошо, что, соответственно, не позволяет сделать по ней конкретные выводы. На сегодняшний день активно ведутся дискуссии о военном деле Волжской Болгарии, в которых остро оспариваются различные точки зрения. При этом в ряде монографий и научных статей заметно отсутствие систематического подхода к изучению разных аспектов истории волжских болгар. Особенно болезненно это ощущается в изучении предметов вооружения, когда ошибочные интерпретации, вырванные из исторического контекста, приводят к искажению реальных исторических процессов. Данные негативные тенденции в совокупности говорят о необходимости пересмотра накопленных знаний по интересующему нас вопросу и их систематизации вне отрыва от исторических реалий.

Возвращаясь к началу развития военного дела Волжской Болгарии, стоит отметить, что изначально комплекс болгарского вооружения, несомненно, имел кочевническое происхождение. Он также испытал значительное влияние Хазарского каганата на начальном этапе существования государства волжских болгар. Периодические конфликты с кочевниками на приграничных землях накладывали свой отпечаток на тактику ведения боя, что приводило к внедрению новых типов вооружения, а также к эволюции уже существующих.

Однако наличие такого геополитического соседа, как Русь, содействовало постепенной трансформации военно-политического устройства государства, что привело не только к кардинальным переменам в тактике ведения боя, но и значительно изменило комплекс вооружения болгарского воина. Результатом стало введение в X – XII вв. болгарской дружины и разделение всего войска на виды – тяжелую кавалерию, легкую кавалерию и вспомогательные соединения пехоты.

Контрастное геополитическое положение Волжской Болгарии привело к появлению своеобразного синтеза в комплексе вооружений, когда, с одной

стороны, присутствовал европейский тип вооружения, а с другой, сохранялись степные и восточные элементы. Данная особенность военного дела болгар вызывает большой интерес, потому как рыцарское боевое оснащение и соответствующая тактика начали доминировать над исконно степным вооружением и стилями ведения боя.

Для кочевнического элемента в комплексе вооружения характерна сабля – вид клинкового оружия, появившегося у болгар примерно в VII в. [1, с. 32]. Появление сабли у волжских болгар является само по себе вполне логичным в историческом контексте, однако влияние других степных народов на биполярно ориентированную Волжскую Болгарию привело к интересному развитию данного оружия. Ф. Ш. Хузин, составляя систематизацию болгарских сабель на основе материалов из Билярского городища, выделил эволюционный элемент – степень изогнутости сабельной полосы. Сабли типа I имели изгиб в 1,5 – 3 см. и длину клинка – 85 – 90 см. Учитывая аналогии с находками из Восточной Европы и Южной Руси, можно сделать вывод об увеличении изгиба клинка, начиная со второй половины XII в. – это сабли типа II, у которых изгиб клинка увеличился с 3 до 6 см., а длина – до 110 см. [2, с. 32 – 34]. Также эволюционным маркером служит перекрестие сабли. Именно эта деталь стала определяющей в развитии данного вида оружия в XII – XIII вв. И. Л. Измайлов выделил перекрестия типа II, которые представляют собой прямые линии с ромбическим расширением в середине их длины. Хронологически этот тип перекрестий является одним из наиболее ранних и уходит корнями к салтово-маяцкой культуре Дунайской Болгарии. Также он встречается в погребениях кимаков IX – X вв. В более позднее время данный тип широко распространился среди кочевников Центральной Азии. В Волжской Болгарии тип II фиксируется уже с VIII – X вв., однако более усовершенствованные формы перекрестий данного типа приходятся на начало XIII в. В них прослеживается тенденция к увеличению защитных функций перекрестия одновременно с появлением различных его типов, реагирующих

на стремительное изменение фехтовальных приемов. Еще одной характерной особенностью эволюции сабли в данный временной промежуток являлось наличие металлической оковки. Она позволяла более плотно держать клинок в ножнах и усиливала крепление перекрестия. Начиная с середины XIII в. данная деталь встречается у подавляющего большинства болгарских сабель, что, несомненно, следует связать с монгольскими завоеваниями Чингисхана [4, с. 74].

Другим видом вооружения с четко прослеживаемым степным элементом является булава. Еще в раннем Средневековье булава была известна у хазар в качестве оружия и символа. По типологии И. Л. Измайлова, данные булавы представлены типом I, характеризующимся кубом с четырьмя крестообразно расположенными шипами. Их боевые качества были значительно ниже, чем у боевого топора или кистеня, однако использование тяжелых доспехов в XII – XIII вв. привело к качественному развитию булавы и частичному заимствованию древнерусских аналогов (типы II, III, VI). Первые упоминания о булаве у волжских болгар относятся к раннеболгарскому времени. Они содержатся в литературном памятнике «Кисекбаш китабы», где булава упоминается под тюркским термином «курзи» [2, с. 60].

Вышеупомянутый кистень является ударным оружием с металлической или костяной гирей на длинном ремне, прикреплявшейся к рукояти. Появление кистеня в Восточной Европе связано с обнаружением самых ранних его находок в степных районах Евразии. Уже в VIII в. этот вид оружия использовался тюркско-болгарскими племенами на территории Поволжья, а к XIII в., пройдя определенную эволюцию, он стал играть значительную роль в комплексе вооружения Волжской Болгарии (кистени типов III, IV, VI, VII, IX) [3, с. 30].

Резюмируя анализ видов оружия, представленных в комплексе вооружения воина Волжской Болгарии, можно сделать несколько выводов.

Государство волжских болгар имело крепкий кочевнический «фундамент», что неизбежно сказалось на комплексе вооружения и тактике ведения боя. Вместе с тенденцией к образованию самобытных воинских традиций волжские болгары постоянно испытывали влияние кочевых племен Восточной Европы и Центральной Азии. Однако существование такого сильного соседа, как Древняя Русь, и геополитическое положение государства привели к кардинальной перемене ориентиров Волжской Болгарии на запад, в сторону русских земель. Это привело как к внутренним изменениям в структуре общества, так и повлияло на формирование иного комплекса вооружения. В XIII в., во время вторжения монголов военный уклад волжских болгар вновь испытывает колоссальное влияние степных видов вооружения, что приводит к очередной трансформации облика болгарского воина. Таким образом, развитие уникального набора болгарского вооружения несет в себе следы глубокого влияния как рыцарских, так и кочевнических элементов. Данный вывод может послужить доказательством тесного взаимодействия между государствами Поволжья и смежных регионов в период Средневековья.

Список литературы

1. *Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань-Магадан: Изд-во Северо-Восточного научного центра Дальневосточного отделения РАН, 1997. – 212 с.
2. *Измайлов И.Л.* Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X – XIII вв. – Казань: Татар. книжное изд-во, 2008. – 206 с.
3. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. – Л.: Наука, 1966. – 1971. – Выпуски 1 – 3.
4. *Кулешов Ю.А.* Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружений // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 73 – 97.

© Сафина А. А., Ширяев Л. А., 2020

УДК 821.161.1

Е. Ф. Сердюкова, Р. М. Дикаева, М. А. Элабиева

ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЕЙ НА ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается образ человека, всесторонне представленный в русской классической литературе. Анализируется также тема патриотизма в произведениях русских классиков, затрагивается причина обостренного внимания поэтов и писателей XIX – XX веков к внутреннему миру человека, что не было, например, характерно для древнерусской литературы. Прослеживаются размышления авторов на тему значимости человека, умеющего сострадать, верить и любить. «Тема человека и его места в обществе актуальна и в наше время» – эта мысль широко и ясно раскрывается в данной статье.

Ключевые слова: лирика, религиозность, патриотизм, человек, сострадание, общество, русская литература.

Русская литература всегда была и остается одним из наиболее значимых явлений мировой культуры. Человек часто пытается найти свое место в окружающем мире, утвердиться в нем, и из этого складывается его отношение к требованиям времени, к протекающим вокруг глобальным процессам. Всё это в своей противоречивости и неповторимости обнаруживают, чувствуют и умеют раскрыть поэты.

Поскольку русская классическая литература сформировалась сначала как литература лирической поэзии, а уже потом как литература прозы, именно лирика во многом формировала национальный идеал и мировоззрение русского человека. В литературе Серебряного века влияние лирики также было мощным, наиболее популярными были такие течения, как символизм, футуризм, акмеизм. У каждого из литературных стилей и направлений существовала своя эстетическая программа, свои поэтические приемы, магистральные образы, ключевые жанры, причём существовали они не

изолированно, а в неразрывном взаимодействии друг с другом, в диалоге. Так, русский символизм вел художественный диалог с А. С. Пушкиным, с русской романтической поэзией, в частности, с творчеством М. Ю. Лермонтова.

Как известно, одна из ведущих тем в литературном творчестве – это человек, его жизнь и переживания. Человек всегда был и будет самым главным объектом внимания писателей и поэтов. Эта тенденция явственно наблюдается и в русской литературе. Однако стоит заметить, что в литературе Древней Руси человеку, как личности, большого внимания не уделялось. На ранних этапах развития русского литературного искусства авторы фокусировались на выражении религиозных идей, на поучении читателей и соблюдении историзма. Однако и в древнерусской литературе образ человека находил свое отражение.

Произведения литературы Древней Руси пронизаны, в первую очередь, религиозностью и дидактизмом (нравоучительством). Древнерусские авторы стремились представить на страницах произведений образы святых, давая русскому народу нравственные примеры и духовную опору. Внутреннему миру человека, впрочем, эта литература ещё не уделяла большого внимания.

Всё переменилось в XVIII – XIX вв., когда в литературе появилось такое явление, как психологизм. Психологизм в литературе – это стремление автора уделять особое внимание внутреннему миру своего героя [1, с. 2]. Раскрывая характеры героев всеми возможными способами, авторы создавали всё более конкретные образы по-настоящему русских героев и героинь – Татьяны Лариной, Петра Гринёва, Наташи Ростовской, Алеши Карамазова и многих-многих других.

Русская лень выразилась в образе Ильи Ильича Обломова – главного героя романа И. А. Гончарова. Русские терпение и покорность нашли отражение в творчестве Н. А. Некрасова, посвящённом описанию непростой доли крепостных крестьян (в особенности – женщин-крестьянок). В поэме «Кому на Руси жить хорошо» русский реалист вывел целую галерею образов

русского крестьянства. Например, образ Матрёны Тимофеевны в этой поэме утверждает силу, красоту и твердость русской женщины.

Русская литература, постоянно порицая пороки общества и борясь с негативными сторонами социального прогресса, пыталась сохранить патриархальную духовность, патриотизм и любовь к природе. Для каждой исторической эпохи она предлагала свои идеальные образы, своих героев:

– в литературе Древней Руси это были святые – герои житий, причисленные к лику святых служители церкви, подвижники и князья, чьи деяния были уроком для каждого православного человека;

– в литературе XVIII в. «героем своего времени» стал Василий Кориотский, матрос, персонаж анонимного произведения «Гистория о Василии Кориотском»;

– в XIX веке «героями времени» были названы «лишние люди» – Александр Чацкий, Евгений Онегин, Григорий Печорин, Илья Обломов, и «маленькие люди» – Самсон Вырин, Акакий Башмачкин, Макар Деушкин;

– в XX веке подлинно народным героем можно назвать неунывающего солдата Василия Тёркина.

В героях и персонажах отразились ценности русских людей и кризисы, переживаемые русским народом. Одна из таких непреходящих ценностей – любовь к своей стране и к своему народу. Эта любовь и переживания за страну нередко возникали на страницах произведений, когда писатели критиковали российские реалии, стараясь указать обществу на его пороки и недостатки. И здесь перед нами встает явление патриотизма в его, так сказать, литературном преломлении, в том виде, как его понимали, передавали и чувствовали русские писатели и поэты. Владимир Даль так охарактеризовал понятие «патриотизм»: «Патриот – это любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб». Н. М. Карамзин пишет в «Истории государства Российского»: «Мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам, подобно грекам и римлянам, чтобы возвысить наше происхождение: слава была колыбелью человека русского, а

победа – вестницею бытия его» [3, с. 37]. Можно вспомнить знаменитые слова Петра I, обращенные к солдатам в самый канун Полтавской битвы. Чувством пламенной и бесконечной любви к Родине пронизано творчество Н. А. Некрасова, о чем свидетельствует, например, стихотворение «Тишина». Для С. Есенина Родина, родной край – это село Константиново, это Русь деревенская, с древними традициями и крестьянским укладом, с родным фольклором. В поэзии Есенина – всё о России, она отличается необыкновенной целостностью. Образы человека и природы в ранней лирике Есенина неразрывны. Любовь к природе, ко всему живому в его творчестве имеет почти религиозный характер. Вспомним хотя бы эти известные строки [2, с. 176]:

Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!»,
Я скажу: «Не надо рая, дайте Родину мою»

Человек в поэтическом мире Есенина – это, прежде всего, природное существо, а потом уже социальное, именно поэтому метафоры, изображающие человека, построены на сближении человеческого и природного: «облетает моя голова», «куст волос золотистый вянет», «я в твоих глазах увидел море».

Литература – это уникальное искусство. На сегодняшний день она всё также пытается отразить важные события как в жизни отдельно взятого человека, так и в истории человечества. Поэты и писатели выражают свой взгляд на образ человека, на его место в современном обществе, на его цели и идеалы, ведь именно человек, как принято считать, является главным предметом внимания в творчестве и искусстве. И какие бы перемены не происходили в России, она всегда остается неизменно прекрасной. Сквозь образы России в разные исторические эпохи и образ человека поэты постигают сложность бытия, превратности людских судеб и жизнь собственной души.

Список литературы

1. *Есин А.* Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 174 с.
2. *Есенин С.* Я московский озорной гуляка. – М.: Эксмо, 2010. – 352 с.
3. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения в двух томах. Т. I. М.; Л., 1964.

© Сердюкова Е. Ф., Дикаева Р. М., Элабиева М. А., 2020

УДК 882

Е. Ф. Сердюкова, Р. М. Дикаева, М. А. Элабиева

ТЕМА РОДИНЫ В ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Аннотация. В статье рассматривается тема Родины в творчестве великого русского поэта С. А. Есенина, отмечаются отличительные черты его творчества. Также затрагивается влияние поэзии С. А. Есенина, отмечается её актуальность для нашего времени.

Ключевые слова: философия Родины, серебряный век, поэзия, русская природа, Есенин.

Лирика Есенина от первой до последней строчки пронизана любовью к Родине. О чем и о ком бы ни писал поэт, во всем сквозят то трепетное любовное отношение к русским пейзажам, то изъедающая душу тоска, то боль по уходящей крестьянской Руси. Но даже в последних произведениях, пронизанных горечью от утраты милого сердцу образа Родины, напевность, образность стиха излучали нежность и свет, как только речь заходила о березовых рощах или луговых травах.

Тональность темы менялась в разные периоды творчества. И это неудивительно, ведь становление поэта происходило на сломе эпох, когда, казалось, все перевернулось с ног на голову. Исторический водоворот затянул Есенина в воронку стремительно меняющихся событий. И лишь обостренное чувство Родины всегда оставалось главным и всеобъемлющим до последних дней поэта.

Родившийся и выросший в российской глубинке, воспитанный в крестьянской семье, Есенин чувствовал острую связь с природой малой Родины, с рязанскими просторами. Образ Родины формировался среди запорошенных берез и сыплющих снегом черемух, под журчание ручьев и

песни лесных птиц. Именно этот образ Родины, неразрывно слитый с природой, пронесет поэт через всю свою жизнь от самых первых стихотворений («Береза» 1913 г., «Гой ты, Русь моя родная» 1914 г.) до произведений последнего года жизни («Я иду долиной. На затылке кепи», «Сестре Шуре» 1925 г.) [1, с. 9].

М. Горький говорил, что Есенин создан природой именно для поэзии, для любви ко всему живому. Другой современник Есенина, А. Толстой, отмечал, что даже фамилия поэта созвучна языческим корням. В ней слышатся осень, щедрость плодородной земли, деревенские праздники.

Вошел в мир большой литературы Есенин именно с лирикой, наполненной любовью к патриархальной деревне, крестьянскому укладу. А. Блок первым из именитых литераторов услышал стихи молодого поэта и рекомендовал Есенина С. Городецкому, представлявшему в те годы «деревенскую лирику».

Городецкий, познакомившись со стихами новоявленного поэта, понял, «какая радость пришла в русскую поэзию». Явление Есенина он сравнил с праздником песни. С тех пор мотив родной природы, патриархальных деревень, среднерусского пейзажа, рязанских раздолий был основным и главным в творчестве певца «страны березового ситца».

Е. Евтушенко писал, что природу Есенин чувствовал «одним из воплощений себя самого». От образов одинокого клена или рыжего месяца образ Родины разрастался до размеров Вселенной, которую Есенин так же очеловечивал, как и все живое вокруг.

Первая Мировая война, а затем и Революция, вырвавшая крестьянских мужиков из мирного быта, внесла в стихи поэта тревожные нотки. Певец деревни почувствовал в новых веяниях угрозу всему, что так ему дорого, в чем он черпал силы и вдохновение. Есенин был убежден, что именно крестьянин – носитель и творец истинной русской духовности, культуры. В годы революционного лихолетья основы этой духовности были подорваны. Мужик

бросил соху и косу, взял винтовку. Появляются стихотворения, в которых отражаются мучительные метания поэта, его попытки понять и принять то новое, что пришло на его родную землю и перекроило привычный уклад – большевизм («Инония», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик» 1918 г.).

Современники, привыкшие к напевному есенинскому слову, вслушивались в рваный, тревожный ритм, в приветствия нового строя, в кошунственные для вчера еще глубоко патриархального поэта строчки. Одни вслушивались и не верили в искренность слов, подозревая Есенина в попытке подстроиться под новые ритмы времени. Другие же, напротив, приветствовали нового «коммунистического поэта».

Но мало кто понял тогда истинную неизбывную боль Есенина, познавшего истину – его любимой деревенской Руси больше нет, она уничтожена, убита.

Есенин приехал на свою малую Родину – село Константиново Рязанской губернии. Все его пророчества сбылись: теперь в ризах не образа, а «календарный Ленин», родных мест поэт не смог узнать, как и не признал в проходившем мимо старике своего деда. Тоска и безысходность по родным людям и местам, ставшим вдруг такими чужими, далекими, вызвали у поэта слезы и душевный надлом. В том же году, в стихотворении «Русь советская» поэт признает, что он никому не нужен в когда-то воспетой им деревне, да и в стране этой, которую он любовно называл «голубая Русь» он, по сути, уже иностранец. А ведь когда-то он связывал надежды с новым строем, мечтал о том, что жизнь в деревне станет легче, ведь, сын крестьянина, он не понаслышке знал, насколько тяжела жизнь простого мужика. Но разочарование настигло его, когда он увидел: жизнь односельчан лучше не стала, скорее наоборот. И, хотя поэт поклялся отдать «душу октябрю и маю», он заявляет о верности своей лире. Её-то он никогда никому не отдаст, чтобы вечно воспевать «шестую часть земли с названьем кратким «Русь»».

«Русь уходящая» – еще один манифест, где поэт в очередной раз признается: ему не угнаться за стройными рядами новых поколений [1, с. 92]. Он мучается от своей непричастности к новому, но понимает, что ему не место в этом новом обществе. Эту боль не забыть и не заглушить вином. Не раз еще Есенин предпринимал попытки понять новую жизнь, разобраться в себе, сесть «за Маркса и Ленина», призывал свою «озорливую душу запеть по-зрелому».

В тот период Есенин еще не теряет надежду, допускает мысль, что сможет вдохновиться жизнью нового села. Но все дело в том, что «рязанские поля, где мужики косили, где сеяли свой хлеб, была моя страна» («Мой путь», 1925). Нет больше той страны – «...словно тройка коней оголтелая прокатилась во всю страну» («Несказанное, синее, нежное...», 1925) [1, с. 34].

За несколько месяцев до трагической гибели в стихотворении «Спит ковыль. Равнина дорогая» Есенин признается, что через всю жизнь пронес верность Родине, даже «теснимый новью», он остался поэтом «золотой бревенчатой избы». И в который раз возникает мотив близкой смерти – поэт просит о возможности тихо умереть на любимой Родине. А Родина для Есенина самое дорогое, что есть у человека – это все то, что поэта окружает, все то, что он видит и чувствует, и эти чувства переплетаются с чувствами к жизни, к любимой женщине, к природе.

Лирика поэта, посвященная родной земле, имеет таинственную силу, потому что за «малой» Родиной он видел «большую». Есенин гордился силой своей страны, ее необъятностью и великой мощью. Творчество Есенина, – неповторимое, яркое и глубокое, – прочно вошло в нашу литературу, в плоть и кровь нашей культуры [2, с. 27]. Сила Есенина в том, что весь свой внутренний мир, свои чувства и отношения ко всему его окружающему он смог выразить неброскими, простыми, до боли пронизывающими душу словами.

Список литературы

1. *Есенин С. Я московский озорной гуляка.* – М.: Эксмо, 2010. – 352 с.
2. *Попель-Махницки Вавжинец.* Поэзия С. Есенина: опыт современной интерпретации. Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2006. № 5. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeziya-s-esenina-orut-sovremennoy-interpretatsii> (дата обращения: 15.07.2020).

© Сердюкова Е. Ф., Дикаева Р. М., Элабиева М. А., 2020

УДК 37

В. Д. Соколов

ОТНОШЕНИЕ ПОВЫШЕННОГО НЕРВНОГО НАПРЯЖЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА

Аннотация. В статье проведён анализ влияния стресс-факторов на здоровье и работоспособность педагогических работников. Педагогическая практика имеет очевидную стрессогенную направленность, в связи с чем каждому из нас необходимо проводить определённую антистрессовую работу. Цель статьи – предупредить педагогов, особенно молодое поколение, чтобы они научились правильно реагировать на любые неприятности и переживания в условиях своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: нервное напряжение, здоровье, болезнь, психология, педагог, стресс-фактор, профессиональный стресс.

К большому счастью, Всевышний обеспечил человека механизмом мобилизации всех имеющихся телесных и психологических возможностей для того, чтобы активно противостоять самым неблагоприятным условиям жизнедеятельности. Этот механизм, формирующийся в процессе жизнедеятельности человека, – адаптивный синдром или стресс.

Термин «стресс» был предложен американским психофизиологом У. Б. Кенноном в рамках его концепции гомеостаза (гомеостаз – способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия) и реакции живых существ на опасность «бей или беги». Позже термин был использован канадским физиологом Г. Селье для обозначения общего адаптивного синдрома. Селье предложил понимать под стрессом неспецифический (универсальный) ответ организма на любые

предъявляемые ему требования. Как он предполагал, все воздействующие на человека агенты вызывают потребность в адаптации к ним, чтобы тем самым восстановить удовлетворительное состояние организма. Его исследования показали, что при ощущении холода, в условиях голода, а также при угнетённом состоянии или, наоборот, состоянии радости кора надпочечников, гипоталамус (небольшая область в промежуточном мозге, включающая в себя большое число групп клеток, которые регулируют нейроэндокринную деятельность мозга и гомеостаз организма), щитовидная железа и другие органы и системы организма выделяют гормоны и другие вещества, помогающие человеку преодолеть резкие, негативные изменения окружающей среды. Назван был этот механизм адаптационным синдромом. Состоит он из трёх стадий: 1) тревога (мобилизация); 2) сопротивление (адаптация); 3) истощение [1].

Когда организм мобилизуется и сопротивляется за счёт собственных резервов и определённых механизмов (первая и вторая стадии адаптационного синдрома), он работает нормально, и даже считается, что такой стресс полезен. Когда же резервы и запасы оказываются израсходованными, организм достигает третьей стадии, которая через определённое время, естественно, приводит к недомоганиям.

Неспецифические требования, предъявляемые к нашему существу – это и есть основа стресса. Многие специалисты полагают, что несущественные стрессы могут быть неопасны для человека, но чрезмерный стресс не проходит для него бесследно.

Не вызывает сомнения, что любая профессиональная работа, помимо физических и психологических особенностей, имеет основанием личностные качества человека, которые содействуют его успеху в выбранной сфере деятельности. В первую очередь, это относится к профессиям, где объектом профессиональной активности человека выступает другой человек и где взаимодействие в плоскости «человек-человек» обоюдно зависит от качеств

участников этого самого взаимодействия. На этом основании многие учёные и специалисты относят профессию преподавателя высшего учебного заведения именно к такому типу профессий [2].

Профессия педагога, по данным социально-демографических исследований, является одним из наиболее интеллектуально и эмоционально напряженных видов профессиональной деятельности и входит в группу профессий с большим присутствием стресс-факторов [2; 3; 4; 5]. Со стороны социума к работникам здравоохранения (особенно в условиях пандемии COVID-19), правоохранительных органов, к педагогам в большей степени, чем к представителям других профессий категории «человек-человек» (менеджерам и банкирам, генеральным директорам и президентам ассоциаций, то есть к другим профессионалам, непосредственно работающим с людьми) предъявляются повышенные требования к качеству деятельности.

Стресс, возникающий в процессе работы педагога, разнообразен. Считается, что постоянное возникновение стрессов не только является базой для эмоционального выгорания, но и отрицательно влияет на различные психические функции, особенно на эмоциональные [5]. Стресс-факторы, выявленные в деятельности педагога, разбиты специалистами на соответствующие группы (см. таблицу 1) [5]. Педагогическая профессия по частоте нарушений здоровья, как отмечалось выше, относится к профессиям повышенного риска. Анализ показал, что более 89% обследованных педагогов имеют расстройства здоровья предболезненного уровня (группа риска), а примерно в 44% определяются признаки патологических нарушений [1]. Казалось бы, с одной стороны, благодаря стрессу профессионал испытывает разнообразные эмоции, которые обогащают его жизнь, он добивается новых результатов, достигает вершин личностного, должностного и карьерного роста. С другой же стороны, угнетающее действие хронического стресса на личность может вызывать психосоматические заболевания, депрессию, психологические проблемы и т. д.

**Группы стресс-факторов,
возникающих в педагогической практике**

Группы	Фактор возникновения	Характеристика стресс-фактора*
1	Условия трудовой деятельности	
2	Личные качества педагога	Боязнь администрации и руководства (40%); чувство чрезмерно высокой ответственности за результаты своей работы (25%) и другое
3	Факторы, обусловленные управленческими причинами	Неадекватная оценка администрацией (руководством) профессионального труда работника (25%); ощущение подавленности и морального дискомфорта на работе (15%), другое
4	Факторы, обусловленные межличностными отношениями с коллегами	Негативные проявления в оценках деятельности и личностных качеств со стороны коллег по работе (25%) и другое
5	Дополнительные специфичные факторы профессиональной педагогической деятельности	Подготовка к открытым занятиям и показательным мероприятиям (10%), другое

* Касается, как правило, только военных педагогов, в процентах ко всем респондентам.

Исследователи определили классификацию напряженных ситуаций в образовательной практике [3]:

- ситуация взаимодействия педагога с курсантами, слушателями (конфликтные ситуации, игнорирование требований научно-педагогического состава). Правда, данная ситуация является напряженной в меньшей степени;
- ситуации, возникающие во взаимоотношениях с коллегами по кафедре, факультету и с руководством (перегруженность поручениями (особенно военнослужащих), возникновение внеплановых и срочных работ, несогласованность и конфликты при распределении учебной нагрузки, чрезмерный контроль за образовательным процессом, непродуманность и неподготовленность разного рода инноваций, педагогических экспериментов и т. д.).

Отмечается, что профессиональным стрессам подвержен любой педагог [3]. Педагогический работник, который ведёт занятия как можно более спокойно и не вступает в конфликты, подвержен стресс-факторам даже в большей степени, поскольку считается, что постоянное «спрессовывание» раздражения внутри головного мозга приводит, рано или поздно, к эмоциональному взрыву. Основные болезни педагогических работников (головные боли, боли в спине, ногах, горле и т. д.) связаны с накопленным раздражением и проистекают, как правило, от сдерживания эмоций. Если эмоция не «вылезла наружу», у неё нет другого выхода, как проявить себя в одной из функций организма. Так, если нет выхода накопившемуся напряжению в теле, оно концентрируется до тех пор, пока не находит выхода в виде болевых ощущений (в голове, спине, желудке и прочих местах). Мышцы, подвергнутые стрессу, сокращаются и остаются в том же состоянии.

Учёными разных направлений (физиологами, психологами, психиатрами) показана взаимосвязь стресса и различных заболеваний как его последствий. Основные хронические заболевания проявляются на основе эмоциональных, душевных переживаний, острого стресса. Исследователями доказано, что на почве стресса формируются болезненные состояния, влияющие, в результате взаимодействия психических и физиологических факторов, на следующие состояния: нарушение работы сердца; повышение давления крови (которое, в свою очередь, может являться одним из симптомов основного заболевания); нарушение функций желудочно-кишечного тракта; болезни, спровоцированные нарушением работы эндокринных желез; а также неврозы и даже опухолевые заболевания. Расстройства организма могут характеризоваться навязчивыми и истерическими проявлениями, а также кратковременным снижением умственной и физической работоспособности. По расчётам некоторых западных учёных, до 70% заболеваний организма человека связаны с эмоциональным стрессом [1]. В европейских странах от

стрессогенных нарушений функций сердечно-сосудистой системы ежегодно умирают более миллиона человек.

Результаты проведенного Научно-исследовательским институтом медицины труда анкетирования педагогических работников в Санкт-Петербурге показали, что более 67 % из них считают свое здоровье или удовлетворительным, или плохим, остальные – хорошим или отличным [1]. Около 60% педагогических работников полагают, что у них присутствуют хронические заболевания; лишь только порядка 23% признают их отсутствие. Тем самым доказывается связь ухудшения здоровья научно-педагогического состава с образовательной практикой, наиболее значимым фактором в которой является профессиональный стресс.

Профессиональный стресс специалистами подразделяется на информационный, эмоциональный и коммуникативный [3].

От переизбытка данных и перегрузки ими мозга возникает информационный стресс, когда в сжатые сроки от педагога требуется быстрое осмысление и переработка значительного объёма незнакомой информации (например, научно-исследовательские работы по непрофильной направленности). Усиливает стрессовое напряжение высокая ответственность за последствия принимаемых решений по методике проведения занятий, за результаты контроля, показательные и открытые занятия, за результаты, полученные подопечными на промежуточных и итоговых испытаниях.

Эмоциональные стрессы (острое переживание чрезмерной ответственности, негативных эмоций – страха, гнева, сильной тревоги и т. д.) являются следствием неудовлетворенности работой, жёсткого материального и психологического прессинга, чрезмерного и необоснованного контроля, отсутствия свободы в принятии решений в рамках учебного процесса и в методике проведения занятий.

Коммуникативные стрессы педагогический работник испытывает в различных конфликтных ситуациях при общении с курсантами

(слушателями), в случаях недопонимания со стороны коллег-педагогов, руководства различных уровней (кафедры, факультета и т. д.).

Реакции организма на стресс (физиологические эффекты) принято разделять на четыре блока, к ним относят: эффекты мобилизации внутренней энергии, систему поддержания энергии, обеспечение сосредоточения и защитные реакции.

Последствия мобилизации внутренней энергии заключаются в том, что выброс адреналина в ситуации, когда эффекты от его воздействия не возникают мгновенно, могут приводить к сердечно-сосудистым проблемам (подъёмы артериального давления и гипертоническая болезнь, сердечные приступы и инфаркты), к увеличению или снижению уровня сахара в крови и даже диабету. Непрерывно растущий уровень содержания холестерина приводит к риску возникновения атеросклероза – одному из элементов развития сердечно-сосудистых заболеваний.

Последствия постоянного пребывания в состоянии сосредоточения (долговременное нахождение в напряжении, в готовности к тревоге) приводят к активному угнетению сенсорной (сенсорная система – совокупность структур нервной системы, ответственных за восприятие сигналов из окружающей и внутренней среды) и психической реакции.

Нежелательные последствия защитных реакций состоят в том, что при нервном перенапряжении возрастает нагрузка на сердце, а, значит, растёт вероятность возникновения тромбов. Увеличивается риск заболеваний сердца, тромбоза сосудов, и, как результат, – инфаркты и инсульты. После прекращения действия естественных анальгетиков педагог более чувствителен к обычным недомоганиям, головной боли, болям в спине и суставах.

Известно, что тот человек, который работает на поприще образования, должен достойно реагировать на любые неприятности и адекватно действовать в различных сложных ситуациях. Как отмечалось выше, учебный

процесс как таковой уже приводит в стрессовое состояние преподавателя, особенно молодого, имеющего ещё незначительный опыт.

В качестве заключения отметим, что каждый преподаватель по мере возможностей сам является устройтеlem своей судьбы. Главное при этом – быть преданным своему делу и безмерно любить профессию педагога. Небольшой анализ воздействия на организм человека повышенного нервного напряжения, приведенный в нашей статье, говорит о том, что преподавательская деятельность имеет явную стрессогенную направленность, поэтому каждому преподавателю, каждому педагогу необходимо проводить антистрессовую работу по существующим антистрессовым методикам.

Список литературы

1. *Дыненкова Е.Н.* Профессиональный стресс и пути его преодоления [Электронный ресурс]: URL: http://centerlado.ru/uploadedFiles/files/biblioteka/sborniki/Methodicheskoe_posobie_dlya_pedagogov_Professionalnyu_stress_i_puti_ego_preodoleniya.pdf (дата обращения: 20.04.2020).
2. Стресс у педагогов [Электронный ресурс]: URL: <https://vitaportal.ru/psihologiya/stress-u-pedagogov.html> (дата обращения: 20.04.2020).
3. *Солодкая И.Б.* Факторы стресса у педагогов [Электронный ресурс]: URL: <http://psycentr-algis.ru/factory-stressa-u-pedagogov/> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Профилактика стресса у педагога [Электронный ресурс]: URL: <https://multiurok.ru/blog/profilaktika-striessa-u-piedaghogha.html> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Влияние стресс-факторов на профессиональное здоровье педагога. Психология здоровья: теоретические основы и практика использования здоровьесберегающих технологий: Материалы областной научно-практической конференции, 4 – 5 ноября 2008 г., г. Витебск. В 6 частях. Часть 4. – Витебск: ГУО «ВОИРО» [Электронный ресурс]: URL: www.vashpsixolog.ru. (дата обращения: 20.04.2020).

© Соколов В. Д., 2020

УДК 070;654.195

М. М. Темирова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАШКЕНТСКОЙ РАДИОСТАНЦИИ (1926 – 1930 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания Ташкентской радиостанции, а также организация её работы в первые годы функционирования.

Ключевые слова: радио, радиостанция, радиовещание, аппаратное обеспечение, радиоузлы, радиокомитет, информация, радиоволны.

Строительство радиостанции в Ташкенте началось в далёком 1926 году. Выходившие тогда ташкентские газеты сообщали о ходе строительства первой в республике радиостанции и о том, как далеко на радиоволнах будут слышны её передачи [1]. Создание радиостанции было связано не только с новейшими на тот момент достижениями в науке и технике, но и с потребностями развития торговли, сельского хозяйства и культуры [2].

Первая радиостанция в Узбекистане была открыта 11 февраля 1927 года в Ташкенте, в старом небольшом доме № 13 с пятью маленькими комнатами на улице «Новая». Её первая радиопередача началась ровно в 18:00 на 526-метровой средней волне (СВ) и длилась всего два часа [3]. В тот же день первый глава Узбекской Советской Социалистической Республики – председатель Центрального исполнительного комитета Узбекской ССР Юлдаш Ахунбабаев во Дворце труда в Ташкенте торжественно объявил о начале радиовещания в республике [4, с. 9].

Радиостанция включала в себя два студийных радиоцентра, два вещательных центра и два оркестра [5]. По словам одного из первых директоров ташкентского радио Э. Кокшарова, в апреле 1927 года передачи

велись на русском, узбекском, туркменском, казахском и таджикском языках [6].

Первоначально ташкентское радио вещало всего три – четыре раза в неделю: на русском языке – с 17.00 до 19.00, и на узбекском – с 19.00 до 20.00 [7]. Ташкентские передачи были слышны повсюду. Их можно было принимать и отчетливо слушать в городах Средней Азии, Урала, Поволжья и Южной Сибири – в Иркутске, Красноярске, Туруханске, Томске, Омске, Петропавловске, Ирбите, Свердловске, Казани, Самаре, Кушке, Мерве, Хиве, Турткуле и Душанбе [8].

15 сентября 1927 года Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) издал приказ о немедленной перерегистрации существующих в республике радиоприемников в период с 1 октября по 1 ноября 1927 года. Те, кто ещё не установил у себя радио, должны были подать заявку на установку радиоприемника до 1 октября 1927 года, причём это заявление должно было быть предварительно одобрено председателем местного районного комитета. Граждане, которые не зарегистрировались до указанного срока, должны были уплатить установленный штраф [9].

В 1927 году Ташкентский радиоцентр вел передачи на узбекском языке три раза в неделю по четыре часа [10]. 30 сентября 1930 года в Ташкенте была запущена радиостанция RV-11 на длинных волнах мощностью 20 киловатт-часов на частоте 1 170 метров. Программы станции достигали Памира и Казахстана, Туркменистана и Киргизии, Хорезма и Каракалпакии, а также соседнего Афганистана [4].

Во второй половине 1930-х годов радиовещанию в Ташкенте и Ташкентской области уделялось особое внимание. Так, в 1935 году в населенном пункте Ташкентской области Дурмон на 60 гектарах земли была запущена принимающая радиостанция № 2, оснащенная 30 коротковолновыми приемными антеннами. Тогда же в одном из пригородных

поселков Ташкента была введена в эксплуатацию радиостанция № 4, расположенная на 16 гектарах земли и оборудованная 15 антеннами. Помимо запуска принимающих радиостанций, в том же году в Юнусабадском районе Ташкента была построена передающая радиостанция № 5. Раскинувшаяся на 41 гектаре земли, она была оснащена 16 коротковолновыми приемными антеннами и 11 передающими антеннами мощностью от 5 до 20 кВт. В результате были созданы каналы для надежной радиосвязи со столицами других союзных республик и соседних государств [11].

К 1950 году только в одной Ташкентской области насчитывалось 15 400 радиоточек. Из них 8 082 радиоточки (5,4%) располагались в сельской местности. В 1955 году их число составляло уже 56 400, из которых 47 700 были расположены в сельской местности. Таким образом, в результате активных мер по развитию радиовещания в республике количество радиоточек увеличилось за пять лет на 3,6%. Число радиоточек в самом Ташкенте выросло с 22 205 в 1950 году до 43 700 в 1955 году. Тем самым, за пять лет прирост числа радиоточек в узбекской столице составил 1,9%. Радиоточки активно открывались на предприятиях и в учреждениях Ташкента. Так, 44 радиоточки было на Хлопчатобумажном комбинате имени Ю. Ахунбабаева, 250 – на Авиационном заводе имени В. Чкалова, 1 400 – на Текстильном комбинате, 250 – на заводе «Таштекстильмаш», 85 – на Канопском заводе, 249 – в Ташкентском медицинском институте, 20 – в Школе № 11 с фабрично-заводским обучением (ФЗО) и 20 – в психиатрической больнице. Также 20 радиоточек были открыты в Ташкентском фармацевтическом институте, 17 – в 3-й Легочной больнице, 30 – на Хильковском цементном заводе, 10 – в Доме инвалидов войны и 18 – в Санатории имени Л. Кагановича [12].

После открытия радиостанции в Ташкенте основным вопросом перед руководством республики стал вопрос технического и кадрового обеспечения её работы. Остро не хватало профессиональных журналистов и инженерно-

технических работников. По этой причине ещё 10 января 1927 года Совет народных комиссаров Узбекской ССР издал приказ о подборе и приеме на работу на радиостанцию членов партии, работающих в различных областях народного хозяйства. На основании этого приказа в 1927 году на радио были взяты одни из первых его сотрудников – П. Богданов, Ю. Мальченский, А. Киров, Ф. Андреев, А. Мерещенко [13]. В 1927 году начинает формироваться республиканский Радиокomitee – будущий Комитет по радиофикации и радиовещанию Узбекской ССР. На основе персонала, предоставленного Радиокomitee в распоряжение радиостанции, были сформированы отделы из инженерно-технических и вспомогательных работников. Кроме того, были созданы подразделения военизированной охраны [14]. В результате принятых мер численность работников Ташкентской радиостанции увеличилась, и к концу 1927 года достигла в общей сложности 76 человек [15].

В первые годы на радио работало достаточно много случайных людей, многие из которых имели среднее образование или были просто энтузиастами-любителями [16]. Большинство сотрудников, отобранных для производства радиопередач и программ, были учителями [17], и не было, например, специальных кадров, которые могли бы работать в качестве профессиональных дикторов. Поэтому на работу диктором часто приглашали деятелей искусства. Так, главным радиоведущим передач на узбекском языке стал заслуженный артист Узбекистана, академик Юнус Раджаби [4].

В июле 1928 года на пленуме Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) обсуждалась в масштабах всей страны проблема «расширения мер» для подготовки необходимых кадров. В результате по всему Советскому Союзу было открыто более 30 техникумов и несколько профильных вузов. Одним из них стал Ташкентский техникум связи, который начал свою работу в июле 1930 года. Согласно плану, техникум был предназначен для подготовки персонала со средним специальным техническим образованием для предприятий связи по всей Средней Азии [18].

В январе 1928 года было создано узбекское отделение ташкентского радио, и первым его диктором стал Назирхан Камолов. Назирхан Камолов в то время работал старшим преподавателем в Ошском государственном педагогическом институте. Руководитель русского отделения Ташкентской радиостанции Сумбатов пригласил Назирхана Камолова работать на радио. Назирхан Камолов работал диктором и одновременно руководителем узбекской секции с января по июнь 1928 года. В течение этого короткого периода Н. Камолов работал над расширением штата ташкентской радиостанции. В частности, на радио начинают приглашаться члены Союза художников Старого города, в радиоцентре создаются музыкальные и литературно-драматические кружки под руководством талантливых артистов Ризки Раджаби, Юнуса Раджаби и Абдулхака Султанова, организуются первые концертные радиопрограммы с участием Юнуса Раджаби, Ризки Раджаби, О. Имамходжаева, а чуть позже муллы Туйчи Ташмухаммедова [19].

Отдельно следует сказать о Хаджимураде Авазходжаеве и Фатиме Юнусовой – инициаторах радиовещания в республике. Хаджимурад Авазходжаев работал начальником отдела после возвращения Н. Камолова в Ош в июне 1928 года. Фатима Юнусова была одной из первых женщин-дикторов на национальном радио, и слушатели с нетерпением ждали каждую её трансляцию [20].

Тот факт, что в конце 1920-х и в 1930-е годы на ташкентском радио транслировалось 12 радиогазет на пяти языках, свидетельствует о больших масштабах работы, проводившейся в те годы в области национального и культурного строительства. Например, регулярно выходили в эфир русскоязычная радиогазета «Рабочий», узбекские «Борьба за хлопок» и «Освобожденные женщины», казахскоязычная «Трактор», киргизскоязычная «Колхоз» и другие радиогазеты [21].

Анализ радиоэфира за этот период показывает, что большая его часть приходилась на общественно-политические темы. Также значительную часть

эфирного времени составляли передачи, посвященные сельскому хозяйству, в особенности выращиванию и переработке хлопка. Примечательным является тот факт, что эти передачи нередко проходили в форме лекций и бесед с участием приглашенных экспертов [21].

В заключение следует отметить, что ташкентское радио послужило примером и основой для создания в стране других региональных радиостанций, которые стали открываться одна за другой в последующие годы.

Список источников и литературы

1. Центральный архив Узбекистана. Р. Фонд 837. Список 5. Коллекция 253. Лист 15.
2. Слушайте! Слушайте! // Правда Востока. 1926. 15 июня.
3. Центральный архив Узбекистана. Фонд Р.837. Список 5. Сборник: том 253. Страница 15.
4. Рахмонов Р. Узбекистан – народная аудитория. Ташкент: «Узбекистан», 1977.
5. Центральный архив Узбекистана. Фонд Р.736. Список 1. Сборник 611. 35 страниц.
6. Центральный архив Узбекистана. Фонд Р.9. Список 1. Сборник 2924. Страница 81.
7. Рихсиев Б. Становление и развитие узбекского радиовещания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1972. 16 с.
8. Центральный архив Узбекистана. Р. Фонд 9. Список 1. Коллекция 2924. Страница 81.
9. Центральный архив Узбекистана. Р. Фонд 736. Список 1. Сборник 611. Страница 37.
10. Центральный архив Узбекистана. Р. Фонд 736. Список 1. Коллекция 611. Страница 30.
11. Назаржанов Т, Азизова М. Отзывы и комментарии [Электронный ресурс]: <http://uz.infocom.uz/2013/08/07/radioaloqa-texnologiyalari-va-radioeshittirish/> (дата обращения: 12.06.2020).
12. Ферганский областной государственный архив. Фонд 1205. Список 1. Собрание 336. Страницы 204-206.
13. Центральный архив Узбекистана. Р. 1822 – основание. Список 1. Сборник 101. Страница 1.8.
14. Центральный архив Узбекистана. Р. 1822 – основание. Список 1. Сборник 101. Страница 20.
15. Центральный архив Узбекистана. Р. 1822 – основание. Список 1. Сборник 101. Страница 24.

16. Центральный архив Узбекистана. Р. Фонд 95. Список 2. Коллекция 2026. Страница 79.
17. Центральный архив Узбекистана. Фонд R.1822. Список 1. Том 111, том 48.
18. *Саломуллаев Х.* Об основных направлениях, достижениях и проблемах формирования сетей и средств связи Узбекистана (историческая точка зрения, 1917-1941 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1994. 108 с.
19. *Отамуродова А., Бегалиева М.* Радио и телевидение – Тавфаккур цветов. Ташкент: «Истиклол», 2018.
20. *Риксиев Б.* На крыле волны. Ташкент: «Узбекистан», 1967.
21. Центральный архив Узбекистана. Р. 837 – основание. Список 5. Сборник 253. Страницы 47-48.

© Темирова М. М., 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Марина Викторовна – старший преподаватель кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород, Россия.

Бурило Надежда Александровна – ассистент кафедры архитектуры и реконструкции городской среды, директор Инновационно-технологического центра «Сибстрин-инновация», Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия.

Варначёва Людмила Васильевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствознания Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, г. Санкт-Петербург, Россия.

Гликман Влада Вадимовна – студент группы ПИН 17-2, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород, Россия.

Гусак Василий Андреевич – кандидат искусствоведения, хранитель музейной коллекции Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО, г. Санкт-Петербург, Россия.

Демидова Татьяна Олеговна – студентка I курса, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия.

Дикаева Рашана Мусаевна – студентка II курса направления подготовки «Филология», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Чеченская Республика, г. Грозный, Россия.

Еременко Евгений Дмитриевич – кандидат культурологии, доцент кафедры драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, г. Санкт-Петербург, Россия.

Захарова Алёна Александровна – магистрант, Ингушский государственный университет, Республика Ингушетия, г. Магас, Россия.

Кириллова Ульяна Евгеньевна – студентка I курса магистратуры Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого, учитель английского языка в Петергофской гимназии императора Александра II, г. Санкт-Петербург, Россия.

Копьева Алина Александровна – преподаватель, Военная Академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, г. Тверь, Россия.

Морева Ольга Леонидовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования, ГАОУ ПО «Институт развития образования», г. Севастополь, Россия.

Ни Ольга Петровна – кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы лингводидактики и перевода Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Прошкова Зоя Вячеславовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сафина Алина Альбертовна – студентка Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, Республика Татарстан, г. Елабуга, Россия.

Сердюкова Елена Федоровна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Чеченская Республика, г. Грозный, Россия.

Соколов Валерий Данилович – кандидат военных наук, профессор, доцент, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, г. Санкт-Петербург, Россия.

Темирова Машхура Мухаммадаминовна – преподаватель, Кокандский государственный педагогический институт, г. Коканд, Республика Узбекистан.

Ширяев Леонид Александрович – студент Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, Республика Татарстан, г. Елабуга, Россия.

Элабиева Малика Ахдановна – студентка II курса направления подготовки «Филология», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Чеченская Республика, г. Грозный, Россия.

Научное издание

**КУЛЬТУРА И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Сборник научных статей. Выпуск 3**

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства несут авторы публикуемых материалов.

Подписано в печать 17.08.2020. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Объем 6 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 51

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Фора-принт»
Санкт-Петербург, Средний пр., д. 4